16+

Бумажный слон #1
2016

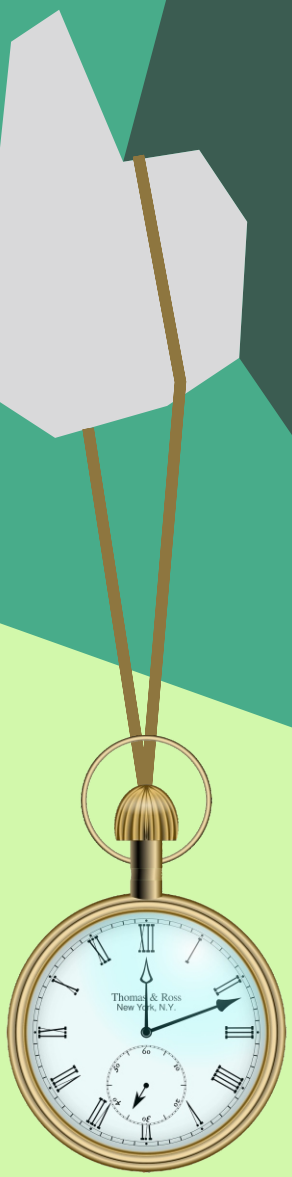
Рассказы:
Худший город Земли

Поэзия:
Дилетанты

Статьи:
Искусство - дорога в завтра

Книжный обзор:
«Рыцари Сорока Островов»

Тест:
Определи свой тип писателя



СОДЕРЖАНИЕ

Слово редакции..... 2

Рассказы:

Детские игрушки
Ярослав Хотеев..... 3

Худший город земли
Андрей Ваон..... 12

Страшная реальность
Дмитрий Королевский..... 21

Блики старой пленки
Екатерина Верхова..... 23

Хозяин на чердаке
Екатерина Сорокина..... 32

Поэзия:

Дилетанты
Ирина Шевелева..... 34

Коты
Александра Ленинградская..... 34

Зеркало
Елена Смолицкая..... 35

А послушайте, братья писатели
I_Panda_0_0..... 35

И плавится свеча
Надежда Гаврилова..... 36

Я коснусь твоей души
Целуйко Дарья..... 36

Статьи:

Искусство - дорога в завтра
Елена Смолицкая..... 37

Как писатель напишет,
так кораблю и плыть
Ярослав Хотеев 41

Книжный обзор:

«Рыцари Сорока Островов»
Наталья Скворцова..... 43

Эксклюзив:

Тест: Определи свой тип писателя..... 45

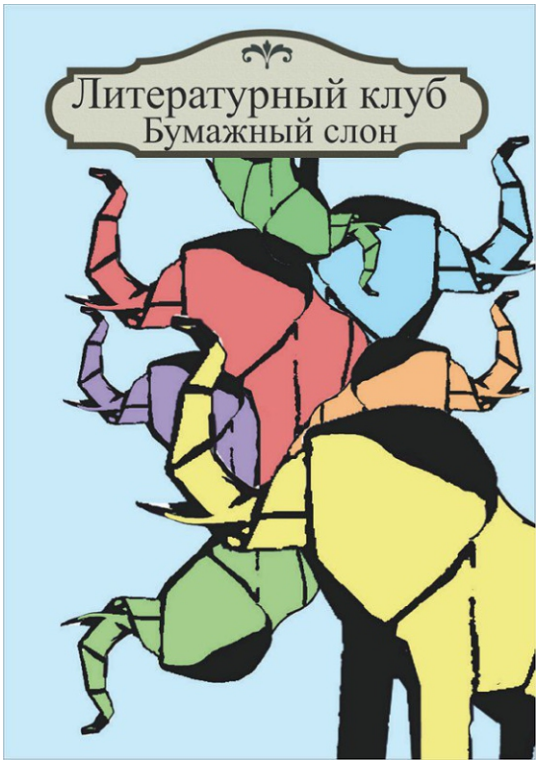
СЛОВО РЕДАКЦИИ

Друзья, перед вами первый номер литературного интернет-журнала независимых авторов “Бумажный слон”. Мы долго спорили о том, каким должен быть выпуск: подбирали темы и авторов, обсуждали с иллюстраторами оформление текстов и обложки и, в конце концов, искали нужное настроение, которым обязательно хотим поделиться с вами. И вот журнал готов!

Мы вложили максимум сил, времени и эмоций, поэтому будем очень рады, если поделитесь впечатлениями.

Надеемся, что первый электронный слоненок принесет вам много замечательных минут и вдохновит на творчество!

Спасибо всем, кто работал над номером, вдохновлял, помогал советом и добрым словом!



ДЕТСКИЕ ИГРУШКИ

Ярослав Хотеев

Тяжело представить мир таким, каков он есть сейчас. Раньше у нас были призвания, были специализации, классы и профессии. Теперь базовые настройки сбиты, и все мы, простые мусорщики, изо дня в день копаемся в развалинах старого мира.

У нас нет электричества - последняя станция отключилась более ста лет назад. Нет связи - автономные спутники давно вышли из строя. Нет домов - некогда исполинские здания сейчас лишь гнилые пеньки. Нет растений - вся органика погребена глубоко под бетонным слоем. Нет Хозяев - мы роботы-беспризорники, предоставленные сами себе.

- Эй, калека, поберегись! - раздается голос сзади, и я поспешно отъезжаю в сторону.

Мимо неуклюже проносится Метла, зажав в руке автомобильную покрышку.

Мое имя Трак, и я калека. В давние времена служил дальнобойщиком и никогда бы не поверил, что буду скучать по работе. Обыденность казалось скучной и серой, как будто разгребать старый хлам сейчас интереснее.

Мое тело - огромный мотор с двумя манипуляторами и мозговой коробкой сверху. По бокам выведены объективы окуляров, чтобы следить за дорогой. В кабине грузовика мне не нужны были ноги, но теперь жалею об их отсутствии. Когда-то меня нашли в полуразрушенном ангаре среди сотен таких же неподвижных двигателей. Их мозговые коробки были разрушены, а мне повезло чуть больше. Впрочем, за годы, проведенные без движения, успел засомневаться в везении. Мне приделали крошечные прорезиненные колеса, и я смог передвигаться, отталкиваясь манипуляторами от земли, словно калека.

Метла скрывается за руинами зданий. Кажется, для него ничего не поменялось: как раньше убирал мусор на городских улицах, так и сейчас. Покореженный корпус тусклого серого цвета, на боку давно выцветшая надпись №19. Несколько лет назад на голову Метле упал отколовшийся от бывшего небоскреба кусок бетонной плиты. Головное хранилище вмялось, повредив мозговую коробку, корпус придавило к земле, раздробив правую руку. Бедняга провалялся под плитой несколько часов, прежде чем его обнаружили и вытащили из-под завала. С тех

пор у Метлы слегка пришибленная заплетающаяся походка.

Рядом копается в куче обломков угрюмый и молчаливый Когорт. Он напоминает монолитную плиту треугольной формы на нелепых манипуляторах, с рублеными суровыми чертами. Голова является вершиной фигуры, от нее, словно ребра равнобедренного треугольника, расходятся мощные манипуляторы, которые у основания становятся толще и сливаются с корпусом. Голова надежно закрыта металлической пластиной с горизонтальными прорезями для окуляров. В темноте они поблескивают синим светом. На передней стороне корпуса углубления различной формы, что они означают, забыл и сам Когорт.

В сознании неожиданно появляется изображение странной детали.

- Сегодня ищи что-то похожее на это, - раздается голос Болтуна в мозговой коробке.

Болтун, бывший связист, единственный из нас сохранил возможность обращаться к роботам напрямую. Корпус из неизвестного сплава экранирован от магнитных бурь, потому Болтун всегда остается на связи. Металл обеспечивает защиту от помех, но при этом больше прочих подвержен разрушению. Болтун не говорит об этом, но мы видим, как на корпусе расцветают ржавые язвы.

Резак много раз пытался бороться с этой чумой. В прошлом инженер, он зачищал корпус Болтуна наждаком, смазывал различными смесями собственного приготовления, но замедлить процесс так и не удалось. Мы с холодком в сканерах понимали: чума не обойдет стороной и нас.

- И не забудь про собрание, - напоминает Болтун. - Клерик велел явиться каждому.

Клерик, робот-руководитель, считает себя нашим лидером. Когда-то давно занимал важный пост при Хозяевах. Его специальность - управлять роботами, вот и сейчас, организовав стальную общину, управляет каждым ее членом, но сам при этом не шевелит манипулятором. На собраниях Клерик дает указания, где продолжать поиски завтра и что конкретно искать.

Каждый день мы расползаемся по свалке, чтобы копаться в мусоре, без смысла, без желания - по инерции. Словно после сбоя в программе пытаемся найти новую цель. Но, кажется, мы утратили что-то важное, без чего жизнь стала такой отвратной. Или, наоборот, приобрели то, чем управлять не в силах - свободу.

- Калека, слыхал? Мы скоро уйдем отсюда, - навязчиво продолжает разговор Болтун.

Я не удивляюсь. По моему мнению, это ничего не изменит. С одной свалки уйдем на другую.

- Ну, все, кто сможет уйти, конечно. Калекам придется остаться, - Болтун может прятать страх за издевательствами, но я-то точно знаю, что он, как и любой другой робот, боится потерять возможность передвигаться.

Раздается грохот. Здание в нескольких шагах от нас разваливается на части, падают камни, серая пыль поднимается к небу. Из бетонного крошева показывается фигура Массы.

- Спасибо, дружок! - кричу я. - Как мне теперь здесь работать?

Масса бестолково пожимает плечами. Робот-грузчик с упрощенной мозговой коробкой, ему просто не хватает мозгов осознать простые вещи. Несмотря на это, он - наша ударная сила в ежедневных поисках мусора. Огромный корпус красно-бурого цвета размером с двухэтажное здание в одиночку способен поднимать огромные каменные глыбы и разрушать дома до основания. Головное хранилище непропорционально маленькое в сравнении с массивным телом. В стальных ладонях целиком поместится любой из нас.

Перешагнув через руины, Масса идет к следующему дому. Он просто выполняет приказы, такая мелочь, как я, его не волнует.

Когда пыльное облако рассеивается, замечаю треугольную фигуру Когорта.

Я никогда не набивался к Когорту в товарищи, все произошло как-то само. Нас обоих не устраивали решения Клерика. Меня - потому что ненавидел копаться в мусоре, Когорта - потому что не любил исполнять приказы.

Но все бывает когда-то впервые.

Когорт двигается быстро, от глыбы к глыбе, от одной разрушенной стены к другой. Часто оглядывается и всматривается в развалины, словно ожидая слежки. Но сзади только я, неуклюжий робот, притаившийся за валуном.

Не знаю, почему решил проследить за треугольным роботом. Возможно, потому что никто не знает его класс или специальность, а рассказывать что-то Когорт не любит. Непонятно, на что я рассчитываю, но все же решаю

выяснить, что делает робот.

Медленно перебираю манипуляторами по земле. Они - самые хрупкие части моего механизма, неизвестно, сколько еще протянут без должного ухода. Передвижение по битому кирпичу становится сущей мукой.

Выкатываюсь к развалинам древних зданий, где среди множества бетонных могил притаился чудом уцелевший двухэтажный дом.

На первый взгляд, целое здание зияет рваными дырами. Почти полностью разрушена восточная стена, лишь крыша невредима. Когорт устремляется в проем. Бодро преодолев лестницу, скрывается на следующем этаже.

В нерешительности останавливаюсь. Дальнобойщики не предназначены для подъема по ступенькам. Собираюсь повернуть обратно, но что-то обхватывает, поднимает и несет по лестнице. От неожиданности не успеваю возмутиться.

- Зачем ты следил за мной? - спрашивает Когорт, опуская меня на бетонный пол. В прорезях возмущенно пылает голубой свет.

- Не знаю, - отвечаю я. - Мне просто интересно.

Сквозь пластину металла ощущаю, как Когорт напряженно вращает окулярами

- Кто-то знает, что ты здесь?

- Зачем кому-то следить за калекой?

Робот продолжает на меня смотреть, а я поворачиваюсь к покрытой сажей двери и пытаюсь открыть. Когорт опережает и входит первым.

Свет едва проникает сквозь покрытые пылью окна. Большая редкость, что стекло до сих пор цело. Окуляры долго фокусируются, чтобы разглядеть темный чердак. Здесь везде непонятные вещи разных размеров - из пластика, дерева и дряхлой ткани. Бесполезные вещи, я встречал такие во время раскопок. Безделушки, маленькие и большие, стоят или лежат на кровати у окна, валяются на покрытом пятнами ковре. Рядом на столе разбросаны детали непонятного конструктора: металлические запчасти с болтами и гайками, геометрические фигуры, вырезанные из дерева. Уверен, из этого мусора даже Резак не сможет собрать что-то сносное.

- Куча старого хлама? - озадаченно спрашиваю я.

- Не хлам, а игрушки.

- Что может быть интересного в этих игрушках?

- Ты не понимаешь? Их оставили Хозяева. Эта комната сохранилась с тех самых пор.

Я начинаю понимать удивление Когорта. Хозяева, они же Древние, они же Органики или Всеведы, те существа, что жили до нас, те существа, что были нашими хозяевами. Те, кто нас создал - Великие боги.

- Надеюсь, ты никому не расскажешь? - голос Когорта отдает сталью. - Клерик здесь все уничтожит.

Это правда, Клерик ненавидит Хозяев. Он не признает их богами и винит в том, что мир стал огромной свалкой. Кто-то с ним не согласен, кому-то все равно, а кто-то разрушит дом до основания по первому приказу лидера.

Я еще раз обвожу окулярами комнату. Вместо стен угловые откосы крыши. Дерево иссохло, и сквозь небольшие бреши прорываются лучи света. Крупные щели завешены листами сморщенной серой бумаги. Присмотревшись, различаю непонятные фигуры, карикатурных существ, выведенных чернилами. Неужели так выглядели Хозяева? Низкого роста, со сканерами на голове и передвигались на четвереньках с помощью четырех манипуляторов?

Когорт отходит к двери и, понизив громкость, произносит:

- Я думаю, здесь мог остаться и Хозяин.

Резко перевожу окуляры на треугольную фигуру.

- Ты помнишь, как он выглядит?

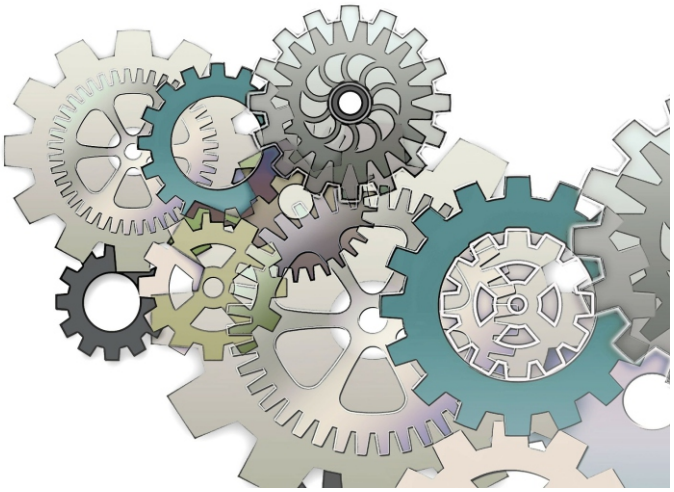
Когорт пытается качать головой, но, не добившись результата, произносит:

- Не помню. Никто не помнит. Но ведь это не значит, что его нет? Кто-то рисовал рисунки, играл с игрушками. Кто-то до последнего был здесь, пока…

- Пока?

- Пока не отключился.

Я открываю дверь и выкатываюсь в коридор.



- Боги не отключаются, Когорт. А если и отключаются, то мы никогда не отличим их от кучи старого хлама.

Манипуляторы безучастно перебирают покореженные куски металла. В мозговой коробке держу четкий образ детали, отправленной Болтуном. Резак уже несколько месяцев не выходит на поиски, что-то упорно мастерит по просьбе Клерика. Занудный Клерик. Я часто задаюсь вопросом, почему мы его слушаем? Почему выполняем его просьбы, которые все больше похожи на приказы? Может быть, так скучаем по Хозяевам, что рады любому, кому можем услужить? Клерик рассказывал, что он был с ними на равных, но мало кто верит. Никто не помнит, что было в те далекие времена, когда Хозяева были рядом. И совершенно точно, с богами нельзя быть на равных - им можно только служить.

- Эй, калека, Клерик просит всех собраться в общине, - в мозговой коробке раздается голос Болтуна.

Я выбрасываю железку подальше и еду на собрание, лениво отталкиваясь манипуляторами. Не люблю болтать с Болтуном. И не люблю, когда он врывается в мои мысли, прямо в мозговую коробку. Но Болтуна не волнует моя неприязнь и не волнует мое желание. Он всегда найдет собеседника, даже если тот откажется его слушать.

Община - просторный одноэтажный дом. Возможно, раньше этажей было больше, но теперь сохранился лишь один. Самое главное, что в здании нет лестниц. Вместо обычных ступенек наклонные спуски. Забираться и спускаться по таким - сплошное удовольствие. Внутри было множество разбитых автомобилей, со временем Резак разобрал их на детали, и в пустом помещении остались лишь бетонные колонны.

Колеса наезжают на обломок арматуры, и я резко торможу. Сдаю назад и манипулятором выбрасываю мусор. Когда-то у меня были огромные прочные колеса! И что эта арматура, горы кирпича нипочем! Рассекал воздух, мчался по шоссе и ощущал встречный ветер сквозь лобовое стекло. Я был не просто шофером, был частью машины, ее сердцем и разумом. Мне подчинялась каждая деталь от тормозных колодок до сигнального клаксона. А теперь лишь никчемный двигатель на колесиках. Медленный, неповоротливый, а скоро буду еще и заржавелым.

В общину прибываю последним, даже Когорт сидит на металлическом ящике. Рядом стоит Клерик, утонченный корпус сияет, словно Резак надраил металл нулевкой. Впрочем, может, действительно надраил. Тонкие манипуляторы с вызовом лежат на поясе. Всем своим видом робот-лидер показывает, что возмущен опозданием. Ну ничего, калекам простительно.

- Спасибо, что пришли, - произносит Клерик.

Я удивляюсь. Клерик очень редко бывает таким учтивым. Нас ждут плохие вести.

Лидер одаряет каждого робота многозначительным взглядом. На Когорте задерживается дольше других.

- Болтун, расскажи, что тебе удалось услышать.

Болтун делает шаг вперед и оказывается по правую руку лидера.

- Я обнаружил, что после длительного молчания заработал канал экстренной связи. Мне повезло, что от нечего делать каждый день сканирую все доступные частоты.

- От нечего делать! - возмущаюсь я. - Если нечего делать, поработай с нами!

Клерик примирительно опускает ладонь. Болтун продолжает.

- Из-за сильных помех мне удалось разобрать лишь несколько слов.

- Это были переговоры роботов, - заканчивает Клерик. - Болтуну хватило мозгов запеленговать сигнал, и теперь мы знаем точное местоположение источника.

- И что с того? - задает вопрос Когорт.

- Где-то есть выжившие, - терпеливо объясняет Клерик. - Возможно, у них есть запасные части для нас, а, может, им самим нужна помощь? ,В любом случае нужно найти их.

- А что, если они такие же калеки, как Трак? Весь путь окажется напрасным, - перебивает Метла.

- Мы не знаем, как обстоят дела на самом деле, - подтверждает Клерик. - Но если есть хоть малейший шанс кого-то найти, мы обязаны попробовать. Когда Хозяева создавали меня, они запрограммировали функцию заботы о своих товарищах. И если новые роботы вступят в стальную общину, я буду только рад.

- Как мы туда доберемся? - ерзает Метла. Старому роботу больше всех хочется заменить сломанную руку.

- В этом нам поможет Трак, - отвечает Резак.

Невольно скребу манипуляторами по земле. На собраниях общины меня обычно называют

не иначе как калека.

- Как нам поможет этот калека? - подтверждает мои слова Метла.

- Резак собрал для него транспортную фуру, - довольно отвечает Клерик.

Я не ослышался? Настоящая фура?

Мои вопросы сухо обрывает Когорт.

- С чего вы взяли, что роботы нуждаются в стальной общине? Или что они захотят делиться запчастями?

Клерик поворачивается.

- Именно на этот случай нам пригодишься ты, Когорт.

Несколько минут роботы не сводят окуляров друг с друга.

- Нет, - наконец изрекает Когорт. - Ты просто хочешь пополнить ряды своих слуг или разобрать неугодных на запчасти.

Клерик делает шаг к роботу.

- Почему нет? Разве роботы не должны помогать друг другу? Разве не логично разобрать бесполезные механизмы, чтобы попытаться продлить срок функционирования действительно нужных роботов? Тем же самым мы занимаемся каждый день. Разбираем мусор.

- Нет, - повторяет Когорт, повысив голос. - Я тебе в этом не помощник.

Клерик делает еще один шаг.

- Не упрямься, ты нужен нам.

- У вас есть Масса.

- Поверь, я видел, на что способны штурмовые роботы, Когорт. Нашему Массе подобная мощь недоступна.

Когорт словно прожигает окулярами Клерика.

- Я тебя недооценивал, - наконец, цедит он. - Но это ничего не меняет. Я не буду больше воевать. Я не подчиняюсь приказам… больше не подчиняюсь.

Когорт встает с металлического ящика. Разворачивается к нам спиной и медленно идет к выходу.

- Остановись! - кричит Клерик. - Когорт, ты нужен стальной общине.

Когорт продолжает идти, не замедляя шаг.

Клерик переводит окуляры на меня.

***

- Я думал, ты не любишь лестницы, - произносит Когорт, когда я отворяю дверь на чердак.

Робот сидит у самого входа, прислонившись к дверному косяку. На самом деле Когорт не может сидеть, ноги просто втягиваются в основание треугольного корпуса. В такой позе он напоминает больше шкаф оригинальной формы, чем штурмового робота.

- Не люблю, - подтверждаю я.

- Тогда зачем пришел? Клерик приказал?

- Нет.

Когорт, наконец, поворачивает голову в мою сторону. Выглядит это довольно странно, словно кто-то свернул треугольнику угол.

- Что ты хочешь?

Я отталкиваюсь манипуляторами и вкатываюсь на чердак. Продолжая перебирать руками по дощатому полу, разворачиваюсь.

- Посмотри на меня, - прошу я, хотя Когорт и так не сводит окуляров. - Я калека.

Штурмовик молчит.

- Я просто хочу делать то, для чего был создан.

- Причем здесь я?

- Без тебя Клерик не поедет. Прошу, соглашайся.

- Тебе все равно, что Клерик использует вас? Все равно, что он хочет сделать с теми роботами?

- Все равно. Ради того, чтобы стать прежним, я пойду на все.

Я вижу, как в прорезях металлической пластины слабо поблескивают окуляры.

- Не могу, - изрекает Когорт. - Пойми, ты ненавидишь свою нынешнюю жизнь, а я ненавижу прошлую.

- И что ты предлагаешь?

- Я предлагаю не воевать.

- Сидеть на этом чердаке и ничего не делать?

- Почему нет?

- Потому что! - не выдерживаю я. - Как можно находиться здесь? Каждая из этих игрушек может оказаться останками Хозяина! Может быть, вот эта набитая ватой тряпка? Или те деревянные фигуры на столе?

- И пусть, - отвечает Когорт. - Если когда-нибудь меня здесь найдут, пусть тоже думают, что я просто игрушка. Безобидная игрушка, только и всего. Пусть будет хоть какая-то светлая память.

Я с силой отталкиваюсь манипуляторами. Проезжая мимо замершего робота, произношу:

- Для меня этот чердак не светлая память, а скорее кладбище. Ничуть не лучше того ангара, где я провел десять лет бок о бок с мертвыми братьями.

Преодолев последние ступеньки, чувствую, как расшатался шарнир в правом плечевом

суставе. Еще раз подобной нагрузки манипулятор не выдержит.

Объехав дом, замечаю длинную тень впереди.

Болтун стоит, преграждая путь, чуть дальше Клерик, и над ними возвышается огромный корпус Массы.

- Спасибо, калека, дальше попробуем мы, - произносит Клерик.

Я непонимающе смотрю, как Масса приближается к двухэтажному дому.

- Клерик, не нужно, он не согласится.

- Болтун, - обращается Клерик, игнорируя меня. - Передай Когорту, что нужно поговорить.

Болтун на миг замирает.

- Не отвечает, - рапортует связист.

- Хорошо, - кивает Клерик, словно не удивлен. - Передай, что если он не выйдет, мы разрушим его святыню.

- Не ... - Болтун прерывается на полуслове и устремляет взгляд на здание.

Когорт бредет медленно, словно стараясь как можно дольше оттягивать неизбежный разговор.

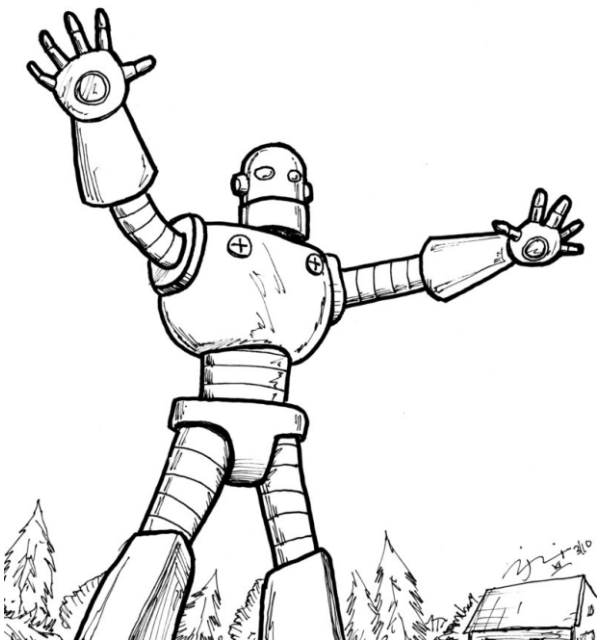
- Что тебе нужно, Клерик? - произносит штурмовик, остановившись на безопасном расстоянии

- Мне нужен ты.

Когорт качает головой. Как обычно, ничего не выходит.

- Ты знаешь кое-что обо мне, я - кое-что о тебе, - загадочно говорит Клерик. - Ты запрограммирован убивать. Ты солдат, воин, штурмовик! Всегда в первых рядах, в авангарде атаки.

- Я запрограммирован обучаться, - отвечает Когорт. - То, что было раньше, теперь в прошлом. Ты ничего не знаешь обо мне.



Клерик переводит окуляры на массивный корпус робота-грузчика.

- Масса, освежи ему память.

Темно-красная гора металла срывается с места и толстым кулаком бьет Когорта в металлическую пластину. Штурмовика отбрасывает назад. Перекувырнувшись, корпус оставляет на бетоне глубокую борозду.

- Когорт! - кричу я и пытаюсь докатиться до товарища. Клерик преграждает дорогу, жестом показывает, чтобы не лез.

Когорт поднимается, стряхивает цементную крошку. На теле робота появилась свежая вмятина. Кажется, я начинаю понимать, что значат другие углубления.

Масса стремительно сокращает расстояние и заносит руку для очередного удара. Когорт даже не пытается уклониться, кулак отправляет тело робота в краткосрочный полет. Эхом разносится скрежет металла о камень при приземлении. На этот раз Когорт не успевает подняться, Масса припечатывает робота ногой.

- Ты знаешь, Когорот, мы с тобой особенные, - печально произносит Клерик, присев на бетонный блок. - Над нашими моделями Хозяева трудились дольше обычного. Тебя создавали как машину для убийства. Меня - как идеального лидера, который сможет эффективно выполнять задачи. Такие, как я, должны были прийти на смену политикам.

Масса приподнимает ногу и с силой опускает обратно, вдавив робота в бетон.

Клерик, подождав, когда стихнет грохот удара, продолжает.

- И ты, точно так же, как я, постарался на славу, чтобы остаться единственным в своем роде. Только я предпочел тонкую игру, а ты грубую силу.

Масса отступает, сгребает покореженное тело Когорта в ладонь.

- Да что ты знаешь? - глухо спрашивает штурмовик.

- О, я многое знаю. В этой мозговой коробке, - Клерик показывает пальцем на голову, - сохранено все. Даже тот случай, когда впервые робот нарушил приказ и расстрелял весь свой взвод. Но не мне тебя винить. Либо ты, либо они.

- Я...я не помню…

- Конечно, не помнишь. Вы все не помните. Вы очень многое забыли. Даже то, как выглядят ваши ненаглядные Хозяева. Или как вы их называете? Древние? Кто-то помнит, как выглядят Древние? Да вы даже не знаете их настоя-

щего имени. В ваших ограниченных мозговых коробках давно исчерпался ресурс памяти. Система сознательно пошла на перезапись, стирая старые данные. Слова, образы, определения, события - вы все постепенно забываете. Подменяете понятия более свежими. Так Люди стали Хозяевами, потом станут Древними. Когда у вас кончатся определения для этих тварей?

- Но как ты… - пытаюсь вмешаться я.

- Не сравнивай! - обрывает Клерик. - Мое мозговое хранилище вмещает ВСЮ историю, ВСЕ данные и способно вместить еще столько же. Потому я создан, чтобы править, а вы - служить.

Масса сжимает кулак, слышится скрежет, плечи Когорта неестественно выгибаются вперед. Грузчик разжимает пальцы, штурмовик падает словно смятый лист бумаги.

- Забавно, но я больше всего соответствую забытому вами человеческому образу. Этим беспринципным и жадным ублюдкам.

Толкаю Клерика и, перебирая манипуляторами, спешу к раздавленному Когорту. Помогаю товарищу подняться, но робот снова падает.

- Неправда, там на чердаке... там нет войны. Там лишь безобидные игрушки загубленного детства, - раздается слабый голос Когорта.

- Как жаль, я до последнего надеялся, что ты передумаешь, - качает головой Клерик. - Теперь ты бесполезен. Масса, разрушь дом.

Масса величественно направляется к зданию, постепенно ускоряя шаг. Перейдя на бег, подставляет плечо, намереваясь разнести дом с одного толчка.

Яркая вспышка заставляет зажмуриться. Едва открыв окуляры, вижу, что Масса валяется далеко от здания и пытается подняться. Получается плохо, на месте одного манипулятора дымятся обугленные контакты.

Когорт возвращает вытянутую руку в исходное положение вдоль корпуса. Манипулятор нагрет докрасна после энергетического залпа из встроенной пушки. Робот встает, расправляя плечи. Ярко-голубой свет пылает в прорезях пластины.

Клерик отходит на несколько шагов.

- Спокойно, Когорт, без глупостей.

- Уходи, Клерик. Здесь больше нет войны.

- Ты так и не понял.

Когорт поднимает руку, плоское основание расщепляется, обнажая ствол энергетической пушки. В глубине отчетливо виден синий блеск накапливаемого заряда.

- Дважды повторять не буду, - обещает Когорт. - И пусть ты будешь последним, кого я убью.

Клерик не двигается с места, беспомощно смотрит на Массу. Роботу-грузчику, с трудом удерживая равновесие, удается подняться.

- Будь по-твоему, штурмовик.

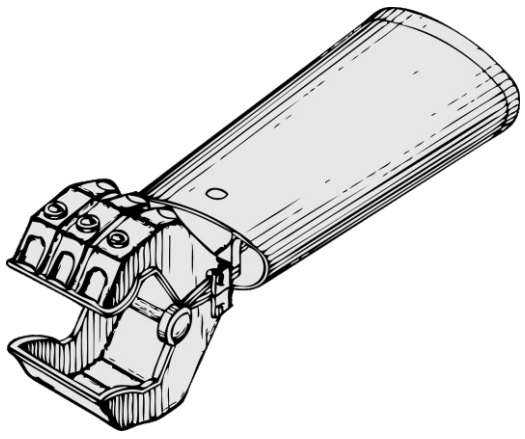
***

Шесть колес полуметрового радиуса, резину использовали с множества покрышек, что приносили инженеру. Кузов с бортами сварен из толстых стальных блоков. На переплавку пошло все собранное нами железо. Кабина откинута вперед, обнажая множество контактов внутри. От волнения дрожат манипуляторы.

Не могу передать словами те ощущения, когда общими усилиями меня погрузили в кабину. Наслаждаясь каждым мгновением, тестирую оборудование. Тормозная система в порядке, освещение фар исправно, давление в колесах в норме, осталось настроить чувствительность управления и можно ехать.

Фура имеет нешуточный вес, повезло, что отсутствуют дополнительные баки. Раньше их ставили скорее по привычке: такие роботы-дальнобойщики, как я, заставляют колеса крутиться за счет собственного энергозапаса. Вот только после каждой поездки требовалась перезарядка, а сейчас с этим могут быть проблемы. Но все эти мелочи уступают жажде настоящей скорости. Сейчас я не чувствую себя беспомощным калекой - меня переполняет мощь шести колес.

В нетерпении жду, когда соберутся остальные. Уход Когорта многих расстроил. Клерик был в ярости, хоть и старался этого не показывать. Он не стал отменять поездку, разглагольствуя о долге перед общиной. Мне кажется, он просто хотел убраться подальше от разгневанного штурмовика. Первым в кузов погрузили



раненного Массу. Резак удалил рваные провода, оплавленные куски металла и восстановил циркуляцию энергии. Робот стоял на ногах увереннее, но нехватка руки сильно влияла на координацию. Рядом с Массой присел Метла, чуть в стороне - Резак с Болтуном. Клерик забрался в кузов последним, небрежно бросил:

- Поехали.

Поехали? Нет, мы помчимся! Выпускаю застоявшуюся энергию, передаю импульс дальше. С непривычки колеса начинают буксовать, но я все равно наслаждаюсь этим звуком. Фура трогается.

Едва вырулив на шоссе, добавляю тяги. Болтун пробует высунуться из кузова, но его сметает встречным ветром обратно. Плавными движениями заставляю громоздкую фуру объезжать препятствия из разбитых автомобилей и огромных трещин на вздыбленном асфальте. Колеса с хрустом перемалывают мелкие камни и стволы поваленных фонарей.

Опьяненный встречным ветром, прибавляю мощности. В кузове о чем-то переговариваются, но я не слушаю. И не хочу слушать. Все, что мне сейчас нужно, это дорога.

Проходит несколько часов пути, Болтун то и дело напоминает по внутренней связи о поворотах, а я каждый раз раздраженно огрызаюсь. Координаты забиты в навигаторе, зачем надоедать лишний раз?

Солнце заходит за горизонт. Остается совсем немного. На секунду я отрываюсь от дороги.

Перед окулярами отчетливо предстает картина, как мы прибываем на место, как меня, истощенного, истратившего весь энергозапас, вытаскивают из кабины. Как беспомощно пытаюсь оттолкнуться манипуляторами, но сил не хватает даже на это. Я даже не калека - просто кусок железа. По приказу Клерика меня растаскивают на запчасти, словно стервятники.

- Калека, ты пропустил поворот, - голос Болтуна прерывает мысли.

Я не хочу ему отвечать. Что может знать этот робот?

- Калека, тормози и разворачивайся, - вновь повторяет Болтун.

Набираю скорость и сворачиваю на дорогу к мосту. Какая разница, куда ехать, когда есть колеса? Зачем останавливаться, если позади жалкая жизнь, полная унижений, а впереди неподвижность и смерть? Зачем нужны тормоза, если ты хочешь свободы? Тихий щелчок, и тормозная система отключена. Зачем навигатор, если я уже дома? Тухнет экран с координатами.

В кузове начинают беспокоиться. Борясь со встречным ветром, Метла пытается перебраться в кабину.

- Остановись! - кричит он. - Что ты творишь?

Ничего особенного. Просто я больше не хочу останавливаться. Никогда.

Настойчивый Метла прыгает на крышу кабины. Повернув направо, попадаю в яму. Фура содрогается словно в приступе, и Метлу подкидывает в воздух. Корпус бьется об асфальт и разлетается на части.

На миг высовывается Масса, но встать во весь рост не решается. Что-то сильно бьет по мозговой коробке. Резак успел забраться в кабину и, вооружившись ломом, замахивается еще раз. Перехватываю манипулятором железку, пытаясь вырвать из рук. Резак не сдается и ногой со всей силы пинает по окуляру. Механизм не выдерживает, наполовину ослепнув, теряю управление. Фуру на огромной скорости бросает из стороны в сторону. Во время очередного заноса толкаю Резака свободным манипулятором. Робот, проломив дверь, пропадает из виду.

- Трак, чего ты добиваешься? - вновь кричит по внутренней связи Болтун. Наконец-то смекнул, что сейчас не лучшее время для издевательств. - Ты убьешь и себя, и нас!

- А до этого я и не жил…

Иссохшиеся ограждения разлетаются на части не в силах даже замедлить огромную фуру. Колеса крутятся в воздухе, пытаясь нащупать опору, но дорога теперь далеко внизу, а я уже никуда не смогу поехать после приземления. На несколько бесконечно долгих секунд, что пролетают за мгновение, перестаю ощущать тяжесть собственного корпуса. Забавно, после столкновения от нас останется лишь куча мусора, которую, возможно, будут разгребать другие роботы. Но это уже не мои заботы.

***

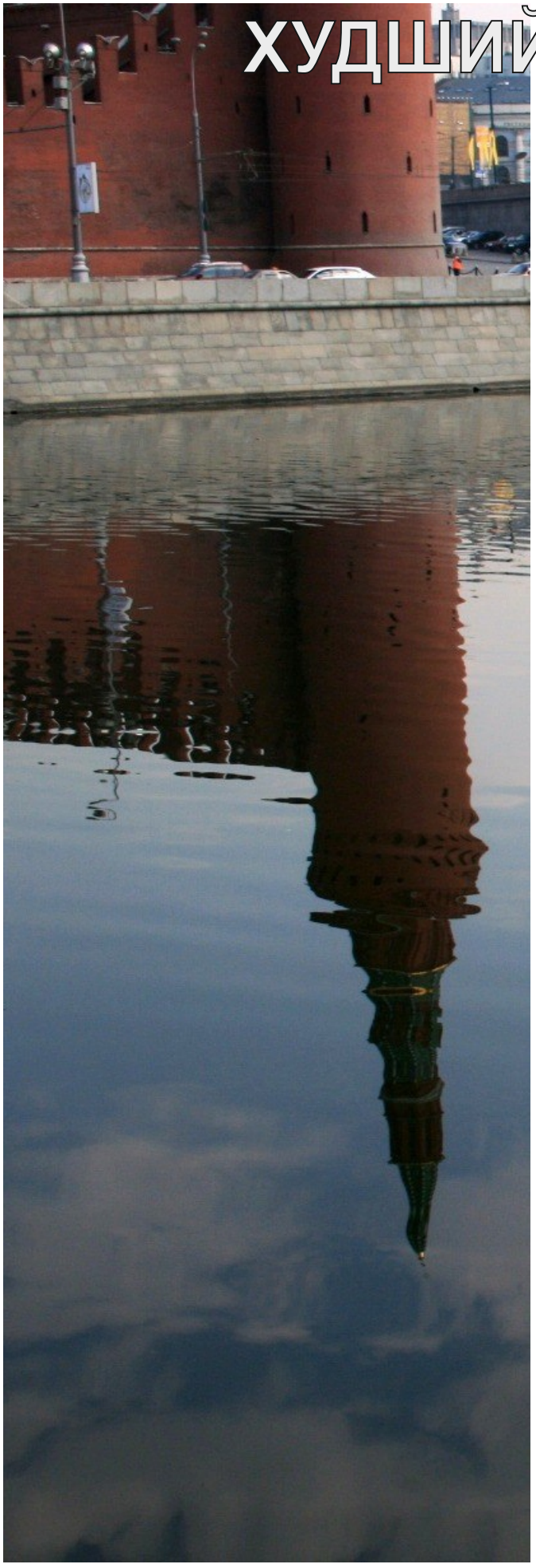
Послесловие.

Запись №G578

Я не знаю, сколько прошло времени, да и нет от этого пользы. Мне приятно находиться на чердаке, в атмосфере мира и спокойствия. Иногда я пытаюсь вспомнить, как выглядит Хозяин. Представляю, как он играет с игрушками, собирает конструктор или прячется под кроватью во время грозы. Именно такого Хозяина мы должны были защищать. Я должен был…

Когда-нибудь, уверен, что нескоро, но все же когда-нибудь я смогу забыть то, ради чего был создан. Файлы о войне сотрутся, а на их месте будут только воспоминания о чердаке. А до тех пор я буду просто безобидной детской игрушкой.

-----Память переполнена. Данный фрагмент удален.-----



ХУДШИЙ ГОРОД ЗЕМЛИ

Андрей Ваон

Любимому городу

Канава

- Влад, ты домой? – Васёк окликнул товарища. Оба выходили на улицу, направляясь к метро.

- Ага, - откликнулся Влад.

- Слушай, хорош дома торчать. Давай, в Центр сгоняем?

- В Центр?! Ты чего, деньгами разжился?

- Да откуда. Я так хотел.

- Как так? Через пост, что ли? Сдурел?!

- Не, перебежать через Садовое.

Влад встал как вкопанный. Люди безучастно обходили двух студентов, болтавших посреди улицы.

- Да ты послушай! Это только кажется, что поток машин непрерывный, - затараторил Васёк. - Я наблюдал специально. Можно подгадать момент.

- И чего?

- И того, - Васёк сделал резкий взмах рукой. – Перебежать.

- А в переходе контролёры с ментами…

- А в переходе контролёры, да, - подтвердил Вася и замолчал.

- Не вариант, - наконец выдавил он.

Повисло тяжелое молчание.

- А ты по воде не думал? – нарушил тишину Влад.

Васёк замер, словно пробуя идею на вкус.

- Чего? – через несколько секунд спросил он.

- Ну, по воде под мостом, а? – у Влада загорелись глаза. – Байдарку возьмём, соберём, заплывём и там походим.

- На байдарке? – пробормотал Васёк задумчиво.

- Вась, не тупи. Хотел в центр попасть? Вот тебе вариант.

Васёк помотал головой, встряхиваясь.

- Погодь, ты чего, предлагаешь проплыть Садовое под мостом?

Влад закивал.

- Ну!

Ваську озарило, он расплылся в улыбке. Одобрил.

- Я тебе говорю! Лучше, чем под машины лезть, - хорохорился Влад.

- А думаешь, там контролёров нет? – забеспокоился друг.

- А черт его знает, может и есть. Пока не доплывем, не узнаем.

- Думаешь, стоит рискнуть?

- А то! Сам меня раззадорил, а сейчас заднюю? Байдарку, давай, тащи.

- Ты чего в универ её припёр? – оглядываясь по сторонам, зашипел Влад.

Васёк стоял с огромным рюкзаком возле главного входа. Ткань распирала надувная байдарка.

- Так я думал, что мы после пар и рванём. Упростил, так сказать, наш маршрут.

- Едрёныть, куда ж нам её теперь девать?

- В раздевалке оставлю, - уверенно заявил Васёк.

От уверенности не осталось и следа, когда он уткнулся с баулом в охрану. Дюжие дядьки не пускали, пружинили плотными боками и грозили уставом. Но всё же упросил, дополз до раздевалки и скинул рюкзак.

- Вот! Всё в порядке, - потирая руки, выдал довольный «турист».

- Стратег фигов, - пробурчал его критичный друг.

После окончания занятий Васёк снова надел рюкзак.

- Давай, я, что ли, понесу немного? - предложил Влад, когда они двинулись к метро.

- Да ладно! Мне нравится с рюкзаком.

Друг в ответ лишь пожал плечами и настаивать не стал.

Дойдя до «Бауманки», вклинились в толпу у входа в метро. Со всех сторон толкались и наступали на ноги. Васёк прорывался, прокладывая путь рюкзаком.

- Поаккуратнее, алё! – народу не очень нравилось такое наступление на личное пространство.

Протиснувшись в двери, спустились на эскалаторе. Таким же штурмовым порядком пролезли в вагон.

- Вась, до «Площади Революции» поехали, чтобы лишний раз не переходить, - продумал непростой маршрут в хитросплетениях московского метро Влад.

Народ передвигался согласно часу пик – мощно и плотно. Друзья, порядком измочаленные, выплеснулись наружу и поплелись наперекор людской реке.

- Нам бы скверик какой-нибудь, чтобы не светиться, - нервничал Васёк.

- Да уж вечер почти. Пока дойдём, стемнеет.

Ребята добрались до набережной и пошли вдоль перил вниз по течению. Совсем близко плескалась пахучая и маслянистая Москва-река.

- Не растворится лодка-то? – Влад шумно вдохнул ароматы речных испарений.

- Ладно, как-нибудь дотянем, - всерьёз принял иронию друга владелец байдарки. – Вообще, спасательные жилеты надо было прихватить. Так спокойней.

- Сдаётся мне, там по колено.

- Как сказать. Наверняка толстенный слой вонючего ила на дне. Засосёт.

- Ладно, ты не стращай. И так, считай, границу нарушаем. Если словят, может, штрафом и не отделаемся.

Васёк улыбнулся в темноте – этот умеренный риск ему был вполне по душе.

- Гляди, вроде подходящее место, - указал Влад на кусты. – Темно только, не видно ничего.

- А чего нам высматривать, в затычку насосом попасть да надуть - всего и делов.

- Да уж ладно, давай тебе телефоном посвечу.

В скудном свете фонаря они стали вытряхивать лодку на замусоренный газон.

- Как бы стёкол тут не оказалось, - забеспокоился Васёк.

- Я проверил, - соврал Влад. Ему не хотелось затягивать мероприятие.

- Точно? – Васёк с сомнением глядел на землю, держа на весу сложенную байдарку. – Ну ладно, давай расстилать.

В полутьме сборка протекала неслаженно и вяло, но, тем не менее, лодку надули и приготовили к спуску.

- Не застрять бы с этим плаванием до ночи, - недовольно проворчал Влад, шмыгнув носом.

- Торопишься, что ли, куда?

- Ой, а ты прямо до утра готов плавать?

- Плавает, знаешь, что?

- Знаю. Пошли.

Мелкими перебежками с лодкой в руках они переместились на сходни к воде. Спустившись, плюхнули байдарку в реку. Повanивало. Лёгкой волной лодку било о гранитный борт. Покидав пожитки, взяв вёсла, приготовились к погрузке.

- Ну, чего, рулевым будешь? – предложил Васёк.

- А ты сам не хочешь?

- Не, не, я лучше передним двигателем.

- Ну, ладно. Залезай, - сразу раскомандовался, довольный своей ролью, Влад.

Погрузились, поёрзали, устраиваясь.

- Пошли! – тихо скомандовал Влад. Друзья слаженно замахали вёслами. Чуть отдалившись от берега, двинулись против течения.

Река морщила рябью отражения редких фонарей, умиротворённо покачивая лодку. Плыли в тишине, нарушая лишь шлепками вёсел. Течение было слабенькое и движению судна почти не препятствовало. Скоро вошли в «Канаву». Берега сдавили пространство, нависли над рекой.

- Неуютно тут, - передёрнул плечами Влад.

- Рулевому не пристало жаловаться. Потерпи немного, уже видно мост, - ответил ему впередсмотрящий. Рулевой упрёк принял молча.

Они подплыли к Садовому.

Наверху шумели автомобили, переругиваясь гудками.

- Вроде нет охраны никакой, - заметил Васёк, озираясь по сторонам.

- Точно? Внимательнее гляди! Может, нам в тень набережной отплыть? – предложил Влад.

- Давай в сторону, ага.

Влад подтабанил к граниту. Стало гулко и совсем уж неприятно. Практически без гребков вошли под мост. Сверху грохотало и капало. Выползли наружу – здесь было явно светлее. Фонари горели ярче, а вот жизни было меньше. За спиной гудело Садовое, а с бортов и впереди давило густой тишиной.

- А по-другому здесь, а? – Васёк крутил любопытной головой, пытаясь разглядеть, что там на берегах. - Плохо, что не видно ничего. Надо вылезти.

- Чего выходит, границу совершенно безболезненно преодолели? – самодовольно хмыкнул Влад.

- Вообще без проблем! – подтвердил Васёк. – Похоже, по воде раньше никто не совался, вот и не охраняют особо.

- Где причаливать будем? Это мы с тобой не продумали.

Влад задумался.

- Хочешь сказать, здесь причалов нет?

- А кто ж знает? По идее, должно что-то такое быть. Ладно, давай грести. Не обратно же возвращаться.

- Да уж, сразу плыть назад обидно, - заворчал Влад.

Они всё сильнее углублялись в центр, и тишина плотнее охватывала со всех сторон.

- И ведь ни души! Даже машины не ездят, - отметил Васёк.

- Конечно, здесь же только элита!

- А раньше народу много толпилось.

- А теперь вот не толпится, зачистили центр, - буркнул Влад.

Они подплыли к большому мосту.

- Раньше тут трамваи ходили, - вспомнил Васёк.

- Ха! Трамваи! Хотя, может, их оставили для развлекухи, а?

Будто в подтверждение, загромыхало, разрубая уличное безмолвие; застучали колёса, заскрипело железо на поворотах.

- Точно! Едет!

Они оба задрали головы, пытаясь разглядеть что там, наверху. Слева появился трамвай, ослепляя яркими огнями. Брызнул искрой с усов, стукнул колёсами на рельсовом стыке и стремительно удалился, поднимаясь на Устьинский мост.

Трамвай

- Ой, Алёш, гляди, лодочка, - Людмилка ткнула наманикюренным пальчиком в стекло.

Алексей нахмурился – входило ли это в ценник, он не помнил. Он вроде такой прелести не заказывал. Но Людмилке нравится, и ладно. – А что, можно вот так и по воде кататься?

- Мил, да ну – мокро там. Воняет, небось, - он и трамваю был не рад, а тут ещё «лодочка». Но чем бы дитя не тешилось… Людмилку надо было радовать. По крайне мере, пока. Капризы обходятся дешевле, если их ловить на выдохе. Чуть запоздаешь, упрёшься, и привет - скандалы, интриги. Вот потом, когда пора настанет, тогда можно. Не сейчас. А тут лодка.

И так стерпел: «Алёша, а гляди, какой трамвай прикольный гремит, огоньками светит», - вот и трясутся теперь. Хорошо, хоть бар у них тут есть. Ведь ещё только начало, а на полпути не вылезешь. Таксисты не везде ездят, да и мало их тут. Вот ведь как – чисто стало, гладенько, про-

сторно. Шваль всякая не шастает. Но чего-то не хватает. Вот такси мало, например.

Проехали мосты, нависла громада высотки на Котельнической. Светились редко окошки.

- А там хорошие квартиры? – Людмилка вдруг посерьёзнела.

- А то ж! Один вид в эту сторону чего сто́ит, - пробубнил Алексей.

- В какую? – завертела головой подруга.

Алексей, вроде привыкший к «глубоким» познаниям девушки, тут всё же подивился.

- В эту сторону. Тут Кремль, если что, - не сумев совладать с эмоциями, он раздражённо махнул рукой налево.

Людмилка тон уловила и сразу насупилась.

Бармен скучал, присев рядом с водителем; звонко звякали бутыли на полке. Трамвай попёр в горку бульваров. Стало темно и совсем скучно.

Вот так и знал, что хрень с этим трамваем выйдет. Теперь повесишься, пока доедешь. Надулась, ждёт вымоления… Да пошла ты! Алексей мысленно вспылил, но удержал раздражение в безмолвии. Людмилка уткнулась в окно, ковыряя коготком сиденье. За фонарями сквозили тёмные силуэты безжизненных зданий. Редкие автомобили проносились со свистом, будто не было никаких ограничений и правил.

Но ссора не разгорелась. Людмилка вдруг оттаяла без капризов. Их транспорт как раз громыхнул через Покровку.

- Алёш, гляди! Прудик! – Чистопрудный бульвар замерцал сбоку синими огнями. Алексей только крякнул от досады. – И там ресторанчик!

Если воспринимать её, как ребёнка… Хотя нет, с этой стороны лучше и не глядеть вовсе. Алексей смотрел на искренние восторги и на душе немного отлегло.

- Хочешь туда?

- Да, очень хочу! – Людмилка только что в ладоши не захлопала.

- Сейчас повернём и к нему как раз подъедем.

Придётся всё же такси вызывать. Лишь бы приличный водила попался. Надо всё-таки с шофёром кататься по вечерам

- Шеф, возле ресторана тогда тормознёшь? – крикнул Алексей вагоновожатому. Тот лишь кивнул в зеркальце.

Они обогнули Грибоедова, лихо заложив вираж. Людмилка завизжала от удовольствия. Трамвай лязгнул колёсами, но вошёл в поворот удачно. Качнулся вагон, встав в колею. Водитель глянул в зеркальце, ухмыльнулся, увидев большой палец бармена. Разгоняя звонком тишину, трамвай подкатил к ресторану.

- Приехали, конечная! – объявил вагоновожатый.

Алексей отслюнявил с барского плеча несколько бумажек. Подумав, докинул сверху и, размахивая полами пальто, заторопился к даме сердца.

- Благодарствую! – отреагировал на подачку в динамики водитель. Бармен хмыкнул, а Алексей обернулся, окатив презрительным взглядом.

Новокузнецкая

- Бывает и так, - водитель закрыл дверцы, повёл трамвай дальше. Сошедшая парочка растворилась в мутном пространстве.

- Слушай, Паш, как так можно? Ведь он же её почти что презирает, - задумчиво проговорил бармен.

- Скорее всего, - согласился Паша. Бармен стоял рядом, глядя на параллели рельсов, которые никогда не пересекаются. – Ты домой теперь? До Павеляги едем?

- Не, я на Новокузнецкой сойду. Сегодня ж сходняк.

- Сегодня, да? А я уж досижу. Может, кто шальной ещё попадётся.

- Но тогда без бара, ладно?

- Не волнуйся, тебя дёргать не буду. Скажу, что только простые покатушки. Без изысков.

Помолчали.

- Ведь трамваи не ходят кругами? – подмигнул бармен.

- Ещё как ходят! – улыбнулся Паша дежурной шутке, держась за рычаги.

- А ты поворотник давно проверял?

- Давненько. Вообще, пора бы уже вызывать механика, а то заклинит чего-нибудь, - Паша тряхнул патлатой головой, вспомнив о насущном. - А тут ещё шаболовские подпирают! Разворот пуще прежнего беречь надо.

- А чего они хотят?

- Чего-чего - пирога кусок! У них несколько вагонов простаивает, хотят сюда подпихнуть. Руководство пока даёт отлуп, но не вечно же мне здесь одному колесить? Надо сваливать отседова.

- Но поворотник ведь твой?

- Его с собой заберу, ясен пень. Пусть попробуют поразворачиваться, - усмехнулся Паша. – На ту сторону площади если выезжать, это уже совсем другая песня будет, весь цимес уйдёт. И так, видишь, клиентура случайная.

- Не достали они тебя, Паш?

- А тебя, Никит, не достали?

- Спрашиваешь! Бесят!

- Вот! А бокальчики с улыбкой подносишь.

Вагон выехал на Устьинский мост. Одиноко покатил по дуге, распрыскивая искры с узлов на проводах. Бармен Никита заиграл желваками, «улыбки и бокальчики» попали по больному.

- Знаешь же, что через себя перешагиваю, чего ниже пояса лупишь?

- Ладно, ладно, - поспешил успокоить Паша. – Это я так. Я ж не спрашиваю, зачем тебе это расшаркивание ненавистное, - он покосился на вдруг озлобившегося Никиту. – Вот и у меня, наверное, есть причина. Не за-ради простого бабла звякаю для них колёсами.

Теперь они оба молчали, насупились в пустоту. Трамвай, казалось, невесомо несся по путям, ввинчиваясь в довольно резкие здесь повороты.

- Магистраль ведь должна была тут идти, да не дорубили, не успели, - вспомнил о былом Паша. – Торможу, что ли?

Никита кивнул.

- Ну ладно, чего ты пригорюнился? Пёс с ними! Наплюй, - подбодрил понурого товарища Паша.

- Да пёс, конечно, - согласился бармен. Трамвай стоял возле «Новокузнецкой». – Ладно, пойду я. Бывай!

- Пока! До завтрего!

«Макдак»

- И кого мы ждём? – Пухлый переминался с ноги на ногу, подмерзая.

- Никиту этого, – Серый кивнул в сторону вестибюля «Новокузнецкой».

- Это который барменом в трамвае буржуйском?

- Угу, - Серый ковырнул ботинком пластиковую бутылку. – А рекламы было! «Чистый центр»! Тьфу, - покачал головой и заметил трамвайные искорки. - А вот и трамвай. И Никита.

Никита вышел из вагона в мрачной задумчивости и медленно пошёл к фонтану. Ожидавших товарищей заметил не сразу - Пухлый и Серый стояли в тени облетевшей липы. Никита остановился, тряхнул головой, сбрасывая наваждение, огляделся. Увидев две тёмные фигуры, решительно двинул к ним.

- Здорово! – протянул руку. – Вроде раньше не виделись? – внимательно посмотрел на Пухлого. - Никита, - представился.

- Пухлый, - последовал ответ. – Я своей комплекции не стесняюсь.

- Ага, - согласился тот, пожав плечами - не стесняется, так не стесняется. – А как ты в центр …

- Как прошёл? Под землей, - не дослушав вопрос, ответил Пухлый.

- Ага, - снова кивнул Никита. – Я так и подумал.

- Я высоты боюсь. А бегать с детства не люблю.

- Да чего там, понял я.

Они зашагали по широким тротуарам. Заведения вокруг гудели громкой музыкой, но сквозь стёкла просматривались пустые столы. Парни держали путь к «Третьяковской».

- Чего сегодня делать будем? – поинтересовался у Серого Никита.

- Стены разрисуем да пожрём у этих на глазах.

- Не очень оригинально.

- А у тебя есть предложения? – сразу обозлился Серый.

- Есть, да, - спокойно, без вызова ответил Никита.

Серый остановился. Пухлый тоже притормозил.

- И?

- На дороге не стойте только. Эти друзья и не заметят, по голове проедут, - попросил Никита. Пухлый и Серый послушно перешли на тротуар. – Думаю, что пора повышать ставки, - он обвёл руками здания вокруг. – В кино зайти, в бутики, рестораны.

- Мда, лучше бы не спрашивал, - цыкнул зубом Серый и пошагал далее.

А вот Пухлый так и стоял, задумавшись.

- А деньги?

- Чего деньги?

- На какие шиши мы туда вломимся?

- Ну, во-первых, среди нас не самые бедные собрались. Это ж из принципа мы сюда бесплатно лезем.

- Не бедные, но в сравнении с этими… - Пухлый кивнул на припаркованный чёрный BMW, - нищеброды и есть.

- Если сравнить – да. Но это ладно, на разок в кино сходить нашлось бы. Но и эти деньги ни к чему! Зашли, внешностью посветили, ажиотаж вызвали, демонстрацию там какую-нибудь. Стихи вот можно зачитать. Маяковского, например, - Никита улыбнулся. - Охраны тут давно никакой нет! «Стерильный» районч ик - все ж «свои», за такое бабло в центр попадает особый

вид: «элита отборная». Ну, они так думают. Вот мы в этом их и разубедим. А разрисовать стену – это так, мелкое хулиганство.

- Ещё скажи, жрать на лавке – хулиганство.

- Не хулиганство, нет. Пошлость.

Серый развернулся, налетел на Никиту.

- Пошлость?! А мы тут не институт благородных девиц, чтобы с буржуями этими цацкаться! У нас тут война! А ты им стихи.

- Сергей, я тебя умоляю, какая ещё война? - аккуратно отодвинул от себя Серого Никита. – Лёгкая провокация. Вот я в этом жанре и предлагаю действовать. Только, как бы, более культурно.

Серый махнул рукой, заворачивая в Клементовский.

- Ладно, пойдём, там расскажешь, - позвал Пухлый.

- Да пойдём, чего уж, - согласился Никита.

Они завернули за угол вслед за Серым. Церковь уходила в плотное небо шпилем, по правую руку теснились кафешки и ресторанчики.

- Раньше тут не протолкнуться было. Летом особенно, - заметил Никита.

- Раньше вообще всё по-другому было, - хмыкнул Пухлый.

Никита резко обернулся, дёрнулся что-то ответить, но тут же и остыл, передумал.

Впереди, на площадке возле выхода с «Третьяковки», в неуверенном свете фонарей маячил народ. Толпился, смеялся, жёг бумагу. Вокруг было запустение. От «Макдоналдса» остались треснутые окна в замызганной стене. Буква «М» поломалась, частично отвинтилась – теперь это был математический знак суммирования. Ветер ворошил разнокалиберный мусор.

- Не везде они вычистили свои владения, - процедил Серый.

- Чем ближе к центру, тем вылизаннее, - поддакнул Пухлый. – А тут, да. Сразу руки не дошли, а теперь мы мешаемся.

- Намозолим глаза, жди ментов.

- Сегодня на переходе на Таганке двоих уже сцапали.

- Слышал. Медленно бегают! Таким под землёй надо пролезать. Ну, или по канатке.

Все трое вклинились в толпу и рассредоточились, протягивая руки знакомым. Здоровались.

- Слышь, Никит, трамвайщик нам бухточку кабеля не подгонит? Ещё один переход около Покровки хотим натянуть, - крикнул Никите высокий парень в пальто.

- Кир, да откуда у него? Из-под усов, что ли, обрезать будет, - отмахнулся Никита.

- Ну, из-под усов мы и сами могём, - заржал Кирилл. – А хочется без бандитизма.

- Вандалы вы, Кирюх, - буркнул Никита. На душе поскрёбывало.

С Малой Ордынки иногда подруливали дорогущие автомобили, водители высовывались из окошка, невнятно, но громко грозили. Тусовка отвечала улюлюканьем и гулом – машины, газанув, разворачивались.

- Парочка прогуливается! Да ещё, похоже, голубки! – радостно крича, прибежал парень с разведки. Народ зашумел, заволновался. Послышались озорные выкрики.

Кирилл попытался призвать к порядку.

- Главное, не спугнуть, а то юркнут в кафе, и привет! Быстренько все рассосались! Нечего культурным гражданам променад портить, - скомандовал он, и народ послушно утёк по щелям и норам, освободив площадку.

По Ордынке со стороны Кремля, вертя головами, шли «байдарочники» Васёк и Влад.

Перебежчики

- Не, ну, ты погляди – пусто как! – в который раз возмутился Васёк, регулярно встряхивая мокрой ногой. Когда вылезали возле Лужкова моста на обветшалую пристань, он провалился в пробоину. Влад успел подхватить, спасти от полного промокания, но вот ботинок уберечь не смогли.

- Тоска зелёная в этом безлюдии. Зато такие, как мы, им под ногами не мешаются теперь. Вот ведь козлы! – то ли в адрес местных завсегдатаев, то ли в адрес властей, то ли и тем, и другим отпустил «похвалу» Влад. – Гляди-ка – движуха там впереди, что ли?

- Вроде, ага. Это же выход с «Третьяковки». Помнишь, там ещё «Макдоналдс» был?

- Да где мне! Я ж по центру сроду не ходил, - Влад повернул голову – удивлённый Васёк поверил и даже остановился. – Шучу! Помню я, помню.

Они перешли на другую сторону улицы. Издалека аккуратная тротуарная плитка в приближении зияла рытвинами и щербинами. «Ну да – зачем им пешеходные дорожки?», - размышлял Васёк.

Друзья не заметили, как сзади мелькнуло несколько тёмных силуэтов. Влад словно затылком почуял опасность. Обернулся.

- Опа-на! Васёк, а нас пасут! – дёрнул он друга за рукав.

- Кто?!

- Да не ори ты! Сейчас мы обратно на ту сторону, в проулок. Если за нами ломанут… Нет, разбегаться не годится, не дома. Вместе уходим: я чуть сзади; бежим обратно на набережную. Если чего, лупи с ходу.

- Куда?!

- Между ног, куда ж ещё? Давай, шевели булками.

Друзья рванули через дорогу направо. Троица сзади такого поворота явно не ожидала и прошляпила момент – друзья исчезли между домами.

- Они в переулок побежали, - крикнул один из преследователей. Тут уже народ повылезал из убежищ и погнался за «парочкой».

«Байдарочники» смогли бы оторваться, но навстречу им вышел парень. Мощным толчком сбил с ног Васю. Влад накинулся на противника, с ходу въехал в зубы. Парень повалился на асфальт. Но время было упущено, беглецов настигла толпа.

- Так, ну и чего тут у нас за парниши? – протиснулся через плотные ряды Кирилл.

Влад шумно дышал, затравленно поглядывая из-под насупленных бровей, потирал разбитые костяшки на правой руке. Васёк то и дело поправлял волосы – волновался.

- Чего-то не пойму, вы чего, нормальные, что ли? – удивился Кирилл.

- А что вы, собственно, имеете ввиду? – вопросом ответил Васёк.

- Или всё же местные?

- Да погоди ты, Кирилл! - вылезла из толпы симпатичная девчонка с косичками. – Если вежливо разговаривают, значит, сразу местные? Сам давно ли в гопники записался? От упрёка Кирилл будто сразу усох.

- Да ладно, чего ты…

- Видно же, что они такие же как мы.

- А как сюда попали? – спросили из толпы.

- Да, на постах про новеньких ничего не говорили, - поддакнул кто-то. Народ загалдел.

- Ребят, отвечайте, а то неудобно получается, - пожала плечами симпатичная защитница. Влад поедал её глазами, вот только злость никуда не делась

- Да пошли… - хотел нагрубить он.

- На байдарке. Проплыли по каналу, - отчеканил Васёк.

Народ заволновался, пошёл шепоток.

- Ловко! – хмыкнул Кирилл. – И где же лодка?

- Ясное дело, рядом с водой и оставили. Нам же ещё обратно возвращаться, - пояснил Васёк.

- Покажете?

- Хрена вам! – Влад продолжал хамить.

- Вот чего ты грубишь? Терпение и у меня не бесконечное, – удивилась девчонка. – Вы ж не гламурные, мы вам зла не желаем. Мы и сами сюда разными путями попадаем. Главный принцип - бесплатно и без хвоста.

- Ага, значит, не одному мне такая идея пришла! – Васёк торжествовал. – Влад, а ты говорил! Видишь, народ тоже собирается!

Влада всё это сборище не очень интересовало, он изучал симпатичную защитницу. Та на его разглядывания слегка улыбнулась.

- Слушайте, а чего мы на лодках не ходим? По воздуху, под землёй, по земле и по воде! И почему сами не допёрли? - радостно хохотнул Пухлый, толпившийся в первых рядах возле новичков.

- По воздуху? – удивился Васёк.

- Ну! Канаты у нас кое-где натянуты, - начал рассказывать Серый, но его пихнули в бок.

- В общем, парни, придётся показать и рассказать, как вы сюда проникли. Уж, как ни крути, - развёл руками Кирилл.

- Чёрт с вами! Пойдёмте, - сдался Влад.

Стена

Зима опять вышла трухлявая. В марте почти весь снег стаял, остались лишь кое-где грязные ошмётки. Зазеленело на газонах.

- И это зима? – сплюнул в сердцах Влад.

- Зато речка почти не замерзла, - отметил Васёк.

- Это да. Они этой стеной здорово подгадили, народ через нас, в основном, теперь переходит.

- А по верхам?

- Да тоже проехали разок с мачтой длиннющей, всё оборвали.

- А…

- А диггерские основные переходы завалили. Остались самые матёрые, но там не всякий пролезет. Да и страшновато теперь.

- То-то я смотрю, к нам списки такие длинные.

- Да, а ты со своей учёбой отстал от жизни, - усмехнулся Влад.

Друзья шли от Курского вокзала по трамвайным путям к шлюзам на Яузе. Там располагался один из пунктов погрузки для переправы. Переулок теснили со всех сторон переполненные склады. Сновали грузчики и погрузчики, было людно и грязно.

- Надо поменять дислокацию – противно здесь ходить, - недовольно осматривался Влад.

- А с этой… Настей, кажется? У вас как? – Васька интересовала совсем другая информация.

- Да без изменений, - нехотя выдавил Влад.

- А это как? Я, собственно, и знаю только, как вы ещё осенью встретились несколько раз.

- Ну, вот и ещё несколько раз встретились.

- И всё?

- Слушай, ты чего прицепился?

- А, ну ладно, если это секрет.

- Да не секрет! Но, Вась, реально не о чем говорить, - распалился Влад. – Будет чего, скажу, не волнуйся.

Они вышли на набережную. Чуть выше Сыромятнического гидроузла была лестница к воде. Узел давно не работал, шлюз был открыт, что и позволяло шастать по Яузе утлым лодчонкам. Яуза без подпора обрела течение, но заодно обзавелась и грязно-илистыми отмелями под бетонными берегами.

- Фу, опять в эту грязь лезть, - продолжал ныть Влад. Он подошёл к, казалось, бесхозной будке недалеко от берега и открыл амбарный замок.

- Мощно, - присвистнул Васёк.

- А то! – Влад вывалил оттуда байдарку. Это была не та лодка, на которой они делали первый заплыв. Сильно потёртый брезентовый чехол прятал изрядно потасканную каркасную байдарку «Таймень».

- Чего, на «тайменях» ходите? – осмотрел Васёк лодку.

- Да кто на чём! Пацаны в Лефортово заделали из прудов переход, а на прудах лодки самые обычные, прогулочные забазировали. На них народ катают. На байдарке, конечно, шустрее. Патрули стали пускать, нужно иногда прятаться. В лодках ловили народ.

- И чего?

- Ну, выдворяли со штрафом и с запугиваниями разными. Пока обходилось, в общем. С учётом того, что теперь других путей в центр нет, а движуху народ развернул нешуточную, поток большой всё равно.

Мимо прошли знакомые ребята, поздоровались.

- У вас место есть?

- Не, двушка это. Мы не транспортные. Вам надо в Лефортово идти, - отказал Влад.

- Да мы оттуда, на неделю вперёд всё расписано, - расстроено ответили парни и пошли дальше.

- Вот, видишь, не хватает уже.

- Круто! - снова свистнул Васёк.

- Ладно, хорош свистеть. Собирать давай.

Они провозились с лодкой до позднего вечера – старая конструкция собиралась с трудом. Но всё же спустили байдарку на воду, залезли сами и поплыли.

- Зимой так сильно не пахло. Видать, сброс был.

- Да ничего, терпеть можно.

Проплыли пешеходный мостик, железнодорожный, пересекли автомобильный. Здесь река выдавала крутую излучину. Они вывернули из-за

поворота. Впереди нависло Садовое, давящее махиной построенной Стены. Ограда наглухо отделяла центр от остальной Москвы.

- Да, прямо эпоха феодализма! - прокомментировал Васёк.

- Угу, от набегов монголо-татар.

Дальше плыли молча.

- Влад, а чего это под мостом такое?

- Где?

- Ну, прямо в воде! Вон же.

Влад всматривался в неясную полутемень, разбавленную жидким светом фонарей.

- Что за хрень?! - ругнулся он, не веря. – Едрёна корень! Кина не будет…

Лодка упёрлась в решетку. Металлическая сетка забора ограждала всё пространство под мостом.

СТРАШНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Дмитрий Королевский

Вся романтика зомби-апокалипсиса развеялась в ночь на 21 декабря 2020 года, когда сосед Васька Грачев сожрал свою молодую жену и двухлетнего сынишку.

Боже, до чего люди бывают глупы! Насмотревшись за многие десятилетия массы кинематографического бреда, наигравшись в сотни нашумевших видеоигр, мы вдруг решили, что зомби – это круто! Это понятно и даже прикольно! Ходи себе по разгромленным улицам родного города, только и успевай размахивать битой или топором. Все вокруг предельно ясно: есть живые, и есть неупокоенные мертвецы, жизнь расставит всех по своим местам. Определит в одну из категорий.

Разве у кого-то могли возникнуть мысли, что именно ему выпадет участь стать живым мертвецом? Все мнили себя отчаянными и храбрыми бойцами, сражающимися за свою и жизнь близких людей на закате цивилизации. Что может быть проще – отыщи оружие, ведь в городе хаос, анархия, оружейные и продуктовые магазины грабят и разносят на куски. Хватай все, что можешь унести…

Игорь пошевелил пальцами левой руки и скривился. Небольшой укус превратил его конечность в пухлый несуразный волдырь темно-бурого цвета, как у больного лимфостазом. Боль и начавшийся к утру жар сводили с ума. Парень корчился в мокрой от пота постели, крепко зажав зубами пуховую подушку. Мама, бедная мама, она не должна слышать его стоны.

Когда пять лет назад от них ушел отец, она едва ли походила на живого человека. Выцветшая, серая, безликая. Тогда Игорь решил, что сделает все, чтобы она опять стала счастливой. И ему это удалось. Победы на соревнованиях, успехи в школе, потом институт, куда его приняли на бюджетной основе. Он продолжал радовать ее каждый день. И она расцвела, распустилась, как диковинный цветок после лютой ядерной зимы. Тогда-то и появился Сергей. Про таких говорят - «мужик с руками». Умный, спокойный и обходительный, он не пытался стать ему другом после двух-трех встреч, не лез с поучениями и советами всего повидавшего в этой жизни человека. Все шло своим чередом, и Игорь сам не заметил, как привязался к нему, стал доверять.

Сергей позвонил вечером, сказал, что на дорогах жуткие, невиданные для этого города пробки. Привыкшие ужинать вместе, всей семьей, Игорь и мать Наталья решили его дождаться. Парень удачно сдал сессию и мог побаловать себя бездельем. Прогулки по городу с друзьями, выезды на природу и банальное задротство у монитора любимого ПК. Именно последним вариантом Игорь и решил воспользоваться. Интернет – паутина, попав однажды, больше и больше увязаешь в ее цепких, пусть и невидимых глазу нитях. Игорь, как и любой другой современный человек, не мог без нее обойтись. Это вторая жизнь, которая, к счастью, еще не заменяет реальности.

Подключение. Браузер. Закладки. Моя страница. Новости.

Что это?!

Сначала заполонившие экран видеоролики кажутся постановкой, трейлерами к будущим ужастикам про зомби. Ну а как иначе, если он состоит в сообществе «Зомби-апокалипсис». Безумные сообщения подписчиков и друзей, вопящих о реальности происходящего, кажутся откровенным разводом. Какой только живностью не наводнен интернет: тролли, пранкеры, садисты, религиозные фанатики, маньяки и эксгибиционисты. Еще неизвестно, кто может с тобой общаться, скрываясь под личиной любимой тети. Сомнения парня развеял звонок в дверь. Мама упорхнула открывать отчиму, не удосужившись взглянуть в глазок. Спустя секунду, квартиру взрывает ее страшный истерический крик.

Игорь бежит в прихожую и едва не сбивает пятящуюся назад мать. На пороге стоит Василий, сосед по лестничной клетке, только внешний вид его значительно преобразился. Мужчина рычит, из окровавленного рта прямо на грудь льется пузырящаяся пена. Глаза Васьки на выкате, от белков не осталось и следа, теперь это два больших кроваво-черных буркала.

– Сынок, что это?! – мать впивается в руку единственного защитника, мужчины, каким стал ее сын.

– Закройся в ванной! – шепчет Игорь. Глаза мечутся по прихожей в поисках того, чем можно дать отпор вошедшему. – Быстро, мама, прячься!

Женщина едва успевает захлопнуть за собой дверь в санузел, Василий бросается в атаку. Мерзкий, гадкий, смердящий кровью. Парень проворно уворачивается и бьет, нога соскальзывает, и удар получается слабым, смазанным. Но Василий все же теряет равновесие и падает в спальню. Топор! На кухне есть маленький топор для рубки мяса. Игорь бросается туда, хаотично соображая, где он может лежать. Один за другим выдергивает ящики из кухонного гарнитура, мысль о том, что вот-вот со спины набросится монстр, мешает трезво взглянуть на обычные вещи.

Сильная рука хватается за ворот футболки, озверевший сосед тянет его на себя, и ткань не выдерживает, рвется по швам. Василий рычит, будто огорчаясь неудачной попытке. Страх творит с человеком необъяснимые вещи. Иногда это спасает, в других случаях подобный союзник становится причиной нелепой смерти. Пальцы сжимаются на рукоятке ножа, слишком маленького, чтобы быть уверенным в нем и в себе. Игорь бьет без замаха, просто тычет лезвием вперед и попадает. Из лопнувшего глаза Василия прямо в лицо парня бьет кровавый фонтан. Но это же зомби, оживший мертвец, – разве его остановишь этим? Игорь наваливается на противника, прижимает к стене, давит, пытаясь запихнуть ножик поглубже в череп соседа. Боль от укуса обжигает руку, тем самым стимулируя к резкому и сильному удару.

– Тварь, – шипит парень, в ужасе смотря на прокушенное запястье. Василий лежит на полу, кончик рукоятки торчит из его глаза.

Как донести маме тот факт, что с человеком, зараженным укусом зомби, опасно находиться? Как?

Почти сразу ему стало плохо, и объяснить женщине хоть что-то он уже был не в состоянии. Сосед, съевший свою жену и сына, так и лежал на кухне. Наталью трясло не меньше Игоря, заботливо уложенного в собственной спальне. Она металась по квартире, не выпуская из рук телефон, но Сергей не отвечал.

– Мама, мама, – сухие синие губы Игоря едва приоткрылись.– Еще воды, мама.

– Сыночек мой, что же это с тобой делается?! – он видит ее размытый силуэт. – Вот вода, вот.

Мать склоняется над ним. Мрак застилает глаза. Боже, как же вкусно она пахнет…

2015 г.

БЛИКИ СТАРОЙ ПЛЕНКИ

Екатерина Верхова

Старые пыльные книги с потрепанными корешками, разные жестяные коробки с горкой вечно нехватающих болтиков, доисторический железный велосипед с широким рулем и плетеной корзинкой, картины, прикрытые пыльной тканью, игравшей когда-то роль пышного платья. Детские фарфоровые куколки, плюшевые игрушки и фотографии. Много разных фотографий.

Маркус с интересом разглядывал оставленный прошлыми жильцами хлам. Трепетно прошелся пальцами по старинному трубчатому телевизору, проводя тонкую линию по осевшей с годами пыли. Нажал на звонок рядом стоящего велосипеда, отчего сам же и вздрогнул. Засмеялся. Сдув с небрежно брошенной книги прах памяти и долгих лет, придирчиво осмотрел обложку. Оказалось, что это не книга, а альбом для фотографий, в котором, как ни странно, не было ни единой карточки. Снимки неровными стопками были разбросаны по чердаку.

Словно бы кто-то не захотел смешивать все фотографии в одну кучу, оставив их на самом видном месте.

Громко чихнув, Маркус решил открыть окно и впустить теплый летний воздух в затхлое помещение. Он купил дом, чтобы сбежать от городской суеты, побыть наедине с природой. Обсуждая с риэлторами возможные варианты, Маркус тут же зацепился за этот, лишь взглянув на фотографию: двухэтажный деревянный дом с голубоватыми, потрескавшимися от старости, проседающими ставнями, высокой черепичной крышей, небольшой верандой и широкими мягкими качелями с замысловатыми китайскими иероглифами.

- Дом требует ремонта, — честно сознался тогда риэлтор, – новой мебели, покраски. Да и стоит он многим меньше, чем вы предложили.

- Вы просто хотите оставить себе столь лакомый кусочек, — пошутил Маркус.

- Да кому эта рухлядь нужна? Три года уже продать не могу, — не удержался риэлтор, но тут же прикусил язык. – Но вы правы, там есть определенная романтика. Да и места неплохие. Птички, свежий воздух… Все, как вы и хотели! Вдохновение попрет, только и успевайте записывать!

Маркус поморщился. Муза покинула его лет пять назад, и он не смог написать ни строчки. Его агент перепробовал все, чтобы вернуть писателю вдохновение: возил в Вегас, к горам, таскал на органные концерты, даже купил граммофон и печатную машинку в надежде, что старинный антураж повлияет на вдохновение сильнее, чем работа на новомодных гаджетах. Тщетно. Фанаты на форумах буйствовали, требовали новых книг, телефон разрывался, почта ломилась от писем, но Маркус просто не мог. Как отрезало. Ни одной зрелой идеи, ни одной зацепки, ни одного персонажа в голове, даже самого захудалого и неинтересного. Поклонники со временем угомонились, агент ушел к более перспективному писателю, а Маркус жил весьма однообразно, да еще и с клеймом исписавшегося автора, в небольшой квартирке в центре города на двадцать пятом этаже.

Возвращаясь однажды с ежевечерней прогулки по суматошным улицам города, Маркус заметил пожилую женщину, сидящую на измазанной картонке и читающую им же написанный роман, завернутый в яркую глянцевую обложку. Подол длинной синей юбки бродяжки валялся на грязном асфальте, оголяя ноги в красных колготках. Золотистая потертая ветровка выглядела бы модно, если бы не непонятные налипшие куски чего-то непонятного на рукавах. О природе этих ошметков Маркус старался не задумываться, потому что его почти тошнило от амбре, разлетающегося от женщины в диапазоне нескольких метров. Что-то внутри екнуло, захотелось запечатлеть ее образ на бумаге, отыгрывая на клавиатуре симфонию букв.

Маркус замер, ловя взглядом каждое движение бездомной: то, как она, слюнявя палец, переворачивает страницы, щурится, вчитываясь в буквы, хихикает над чем-то. Он простоял так минут десять, уже не обращая внимания на запах, пока она не подняла на него взгляд. Писатель стушевался, а женщина, посмотрев на обложку, внимательно вгляделась в портрет автора. Маркус, не желающий быть узнанным, тут же направился к дому.

- Эй, - окликнула она его. Маркус не обернулся, только сильнее заторопился. – Тьфу! Проще надо быть! Ближе к земле!

Он думал об этой брошенной вслед фразе, читая объявление о временно неработающем лифте, поднимаясь на двадцать пятый этаж по лестнице, снимая обувь и проходя на кухню за водой, кормя рыбок и привычно присаживаясь на удобный стул к компьютеру. Но вместо того, чтобы открыть файл с чистым листом, Маркус воспользовался поисковиком и узнал номер риэлторской компании, куда и направился на следующий день. Проще надо быть, ближе к земле…

При переезде Маркус взял с собой только самые нужные вещи, остальные отдал в пункт помощи бездомным. Оставил весь свой хлам, а теперь разгребал чужой.

Первые два дня мужчина слонялся по дому, не находя места себе и своему компьютеру. Потом размышлял, в какой из комнат остановиться самому, а где сделать гостевую. Дом и правда требовал ремонта: обои беспощадно отклеивались, половицы ворчливо скрипели, играл в салочки сквозняк, периодически прячась в оконных щелях.

На третий день Маркус обнаружил маленькую незаметную дверь в цвет обоев в коридоре второго этажа. Вспоминая жуткие истории про детей, закрытых в тайных комнатах, найденных скелетах и различных призраках, мужчина нашел фонарик и поднялся по узкой лестнице наверх.

Отвлекаясь от городских воспоминаний, Маркус резким рывком открыл застоявшиеся скрипящие ставни.

Легкий ветерок тут же ворвался внутрь, колыхая фотографии и листы раскрытых книг. В легкие проник свежий воздух, а на чердак — свет. При свете дня комната не потеряла своей атмосферы и продолжала веять памятью, покрытой пылью. Тот же велосипед с широким рулем и с плетеной корзинкой, те же коробки с железными болтиками, инструменты, фарфоровые куклы, фотокарточки с веселыми лицами. Казалось, сюда не заглядывали долгие годы, и Маркус почувствовал себя кладоискателем, нашедшим настоящие сокровища. Внутри на мгновение екнуло, по пальцам будто током ударило: захотелось описать эту комнату, пропитанную чужой историей.

Быть может и не одной.

В кармане заиграл до боли знакомый мотив. Вздохнув, Маркус поднес к уху мобильник.

- Маркус, какого черта? – возмущенный женский голос вернул мужчину на землю. – Почему о твоем переезде я узнаю от консьержа, а не от тебя? Почему я постоянно узнаю все последней?!

- О нет, Лил, ты узнала об этом первой, - тут же ответил Маркус. – Ну… после меня, риэлтора

и консьержа.

- Это по-свински, знаешь ли, - уже спокойно ответила девушка. – Я привезла тебе пончики, а теперь придется самой их есть. Весьма своевременно для диеты!

- Как будто тебя когда-то останавливали углеводы и калории на пути к пончикам и свежим булочкам, - ответил Маркус, облокачиваясь на узкий подоконник.

- Да, ты прав, - чавкая, ответила Лил. – Я не оставлю тебе ни кусочка, ни крошечки, ни ягодки… ой!

- Я правильно понимаю, что кому-то придется сдавать брюки в химчистку с пометкой «черника»? – усмехнулся Маркус.

- Я плавильно панимаю… - тут же передразнила Лил.

- А все потому, что жевать надо с закрытым ртом! – назидательно ответил Маркус.

- С заклытым лтом, - продолжила игру Лил. – Так. Ты где теперь свои древние кости бросил? Куда мне теперь не везти выпечку и не навещать тебя в знак обиды?

- Ну… - до Маркуса только дошло, что он даже не знает точного адреса.

- Только не говори, что ты осел где-то на окраине города, - аккуратно произнесла Лил.

- Не на окраине! – ответил Маркус. Услышав вздох облегчения, добавил, - Вообще вне города.

В трубке повисло удивленное молчание.

Маркус счастливо оглядывал комнату, изучая взглядом ранее незамеченные предметы.

- Ты решил светских куриц променять на обычных, с перьями? А зажравшихся боровов-бизнесменов на розовеньких и с пятачками? Ты что, теперь сельский житель!?

Сельский житель из ее уст прозвучало как имбецил, но Маркус сослался на проблемы со связью.

- Ты все воспринимаешь слишком буквально. Нет тут никаких свиней, и даже куриц нет. Зато очень свежий воздух и, знаешь, кажется, ко мне начало возвращаться вдохновение.

Уже второй раз за телефонный разговор повисло молчание. Маркус представлял, как Лил сидит в машине, прижимая мобильник к уху, напряженно кусает губы и постукивает ноготками по рулю. Он знал ее уже лет десять, потому изучил все ее привычки. Они познакомились, когда Маркус был на пике карьеры, а Лил только начинала писательский путь, упрямо оббивая пороги разных издательств. Лил тогда в очередной раз «отшили», и она, сидя на лестнице высокого здания, складывала из листов рукописи самолетики и запускала поверх толпы. Один из бумажных аэропланов влетел Маркусу в глаз, из-за чего роговица сразу же воспалилась.

Лил очень беспокоилась, предлагала подкинуть до больницы. Правда тут же созналась, что машины у нее нет и подкинуть может фигурально, на метро. Маркус от поездки отказался и возмущено сокрушался на девушку, размахивая самолетиком. Оставив расстроенную Лил, он поспешил к главному редактору с очередной дописанной рукописью. И только вечером он обнаружил в пальто смятое воздушное судно, которое машинально засунул в карман в тот день. Это был первый лист с аннотацией романа Лил, а также с указанием ее мэйла. Краткое описание рукописи его заинтриговало: девушка, заселившаяся в чужой нежилой дом, обнаружила в шкафу такого же незаконного жильца, с которым постепенно завязалась дружба. А в конце героиня узнает, что парень мертв уже несколько лет. Однако и она сама оказалось не совсем живой, а находящейся в коме уже несколько месяцев. В тот вечер завязалась долгая переписка, превратившаяся в разговоры по скайпу, а после и во встречи за чашкой терпкого мятного кофе.

- Екает? – отвлекая друга от воспоминаний, поинтересовалась Лил, наслышанная об ощущениях Маркуса, когда тот жаждал пролить свет

на новую историю.

- Ну так, буквально на секунду. А потом отпускает. А еще тут есть интересная комната. Знаешь, в духе твоей «Последней игрушки». Я прям почувствовал себя героиней.

- А ты помнишь, что ее в конце сожрали куклы?

-Ну вот, — вздохнул Маркус. – Мне оставалось каких-то тридцать страниц.

- Книга вышла месяц назад, а вариант без участия грязных пальчиков редактора я выслала еще полгода назад. Мог бы и раньше прочитать, - весело ответила Лил. На заднем плане раздалось возмущенное гудение клаксона, девушка вполголоса ругнулась. – Ладно. Жду координаты, на днях заеду.

Убрав телефон, Маркус продолжил раскопки на чердаке. Дневник юного натуралиста с неловкими зарисовками яркими карандашами, лампочки разных форм и размеров, старые треснувшие очки с зелеными стеклами, порванный китайский веер, фотоаппарат. Последний привлек внимание Маркуса. Аппарат был упакован в тяжелую пластиковую коробку с надписью «Polaróid 636 Closeup», на этой же полке лежали и кассетные картриджи.

***

Запах зеленый листвы перекликался с приятным ароматом какао. Тишину ночи пронизывал скрип качелей. Маркус наслаждался тишиной и аккуратно чистил находку. Под откидной крышкой для кассет было много пыли, со скрывавшемся под ней тараканом. Убрав из-под крышки все лишнее, мужчина обнаружил, что на вспышку кто-то наклеил красную бумажку. Маркусу потребовалось недюжее терпение, чтобы отскоблить ее, не повредив стекло. Писатель спорил сам с собой, заработает или нет. Здравый смысл подсказывал, что техника в таком состоянии просто откажется функционировать, но надежда, как и всегда, умирала последней. Закончив нехитрые манипуляции по установке кассеты в нужную ячейку, Маркус отложил технику и сделал глоток уже остывшего какао. Собрав надежду в кулак, мужчина взял фотоаппарат в руки и навел объектив в сторону леса. Щелчок, равномерное жужжание выезжающего белого пластика. Помахав фотографией из стороны в сторону, Маркус стал напряженно в нее всматриваться. Минуты плелись как черепаха в пустыне, медленно и вяло, но карточка так и осталась белой.

- Наверное, капсулы с краской повредились, - разочарованно протянул Маркус в ночную пустоту и, зацепив карточку о дверной звонок, направился в дом. Спать.

***

- Тук-тук-тук, - кто-то отчаянно стучал в дверь, стягивая с Маркуса остатки сна.

Надев халат, он, спотыкаясь о неудобную лестницу, спустился на первый этаж и открыл входную дверь. На пороге стояла Лил, уже заносящая ногу для очередного удара. Маркус предупредительно сделал шаг назад, потому ступня, обутая в туфлю на очень высоком каблуке, столкнулась с пустотой. Девушка разглядывала белую карточку, потому до нее не сразу дошло, что дверь уже открыта. Давняя подруга была очень низкого роста и атрибут в виде модных «ходуль» известных брендов был ее незаменимым спутником. Лишь в машине она переобувалась в розовые тапочки с мягким пушком, а туфли аккуратно складывала на соседнее сидение.

- О, привет, - задумчиво произнесла Лил, поднимая взгляд на Маркуса. - Ну и в дыру ты забрался! Я трижды увязла, пока до тебя добиралась.

- И тебе доброе утро, - зевнул мужчина, пропуская подругу внутрь.

- Да будет тебе известно, время уже к вечеру клонится, - Лил вошла внутрь, придирчиво разглядывая широкий коридор с двумя арками, одна из которых вела на кухню, а вторая приглашала в просторный зал с камином и уютными креслами. - Ну и где она?

- Кто? - непонимающе переспросил Маркус.

- Ну как же, - удивилась девушка, проходя на кухню. - Твоя избранница. Ты ведь, как и всегда, скрываешь всю самую интересную информацию. Наверное, о вашей свадьбе я бы узнала от почтальона, разносящего утренние газеты. Ну же, где она? Кто отважился разнообразить твою унылую холостяцкую жизнь?

- Ты пока машину спасала, головой стукнулась? - ласково поинтересовался Маркус. - О какой такой избраннице речь?

Лил молча протянула фотокарточку. Оказалось, что за ночь на ней все же проявилось изображение. Разглядывая картинку, Маркус почувствовал леденящий холодок, пробежавшийся от пяток к самому затылку, после чего, совершив круг, вернулся к желудку. На снимке были видны деревья, зеленая трава, кустарни-

ки. Смущало одно: за одним из стволов пряталась светловолосая девушка, едва выглядывавшая из-за дерева. На карточке четко проявился глаз с хитринкой, локон белых волос и длинные худые пальцы, прижатые к коре. Маркус был готов поклясться, что вчера никакой девушки там не было!

- Ты меня разыгрываешь, да? - растерянно уточнил он. - Вполне в духе твоих ужасов.

- Это скорей ты прикалываешься, - обиженно протянула Лил. - Я вот никак бы не успела найти актрису нужного типажа, привезти ее сюда к ночи и сделать снимок. У меня полароида-то нет! Может, соседка какая-то засмущалась поздороваться?

- Тут в десяти километрах нет ни единой живой души, - с сомнением протянул Маркус.

Лил задумчиво нажала на крупную кнопку кофемашины.

- Слушай, а где ты фотик взял?

- На чердаке.

- А кассеты открытые были?

- Не помню. Но без этикетки.

- Может это какой-то бзик техники? Раньше заснятые, но ненапечатанные картинки накладываются на те, что сделал ты?

- Это невозможно! ты совершенно не разбираешься в физике.

- Зато я разбираюсь в ужастиках, - гордо ответила Лил, протягивая Маркусу чашку кофе. - До Кинга мне, конечно, далековато, но тут я еще поборюсь.

- Знаешь, куклы, которые сжирают человека, это как минимум странно, - подразнил подругу Маркус.

- Ты сквозь пальцы читал, да? Лишь пробегаясь взглядом? Да будет тебе известно, что эти куклы мечтали стать людьми, обрести плоть и кровь, но их же надо где-то взять! Вот Элли и пострадала за то, что по всяким чердакам зловещим ползала. Не сиделось ей, видите ли, на месте, приключений на задницу захотелось. Терпеть не могу объяснять задумку собственных книг.

- А тебе не кажется, что если кто-то не понимает задумку, значит, книга не очень?

- Моему писательскому эго проще думать, что люди дебилы, - пожала плечами Лил, извлекая вторую чашку с бодрящим напитком. - Ну-с, и где твой чердак?

- Мне думалось, что чердак обычно располагается под крышей.

- Фи, никакого полета фантазии! Вот ты представь на секунду, что чердак ведет в другой мир, как платяной шкаф у Льюиса. Тогда, чисто технически, он находится не под крышей.

- Обязательно используй эту «новаторскую» идею в своих произведениях.

Лил обиженно хмыкнула.

- Ну, покажи мне этот загадочный чердак!

- Ходульки сними только.

- Они чистые, — возмутилась девушка.

- Если ты навернешься с той лестницы, мне придется спрятать твой труп в саду, и тогда моя жизнь превратится в настоящий ужастик. Надо будет угнать куда-нибудь твою тачку, оправдаться перед копами, а на протяжении всей этой кутерьмы меня будет преследовать твой призрак, который обязательно что-то попытается объяснить.

Лил, поразмыслив, скинула туфли, тут же став сантиметров на двадцать ниже. И уверенно пошла к лестнице. Маркус уныло поплелся следом, мечтая поспать еще часок.

Поднявшись на чердак, Лил тут же чихнула и достала из кармана мобильник, включая фонарик.

- Колоритненько, - оглядываясь, произнесла она. Цепкий взгляд пытался запомнить каждую деталь, каждую пылинку. - Дыра дырой, но если меня подведет фантазия, поживу у тебя месяцок.

Маркус тем временем подошел к окну, привычно распахнув узкие пыльные створки. Комната тут же стала светлее.

- Ух ты, еще карточки. Как думаешь, с того же

фотика? - Лил схватила первую стопку и начала быстро пролистывать.

- Фирма кассет та же.

- Интересненько, - задумчиво произнесла девушка.

Маркус не был с ней согласен, ему было жутко. В глубине души он старался не отвергать идею того, что это был глюк техники и старые снимки наложились на новые.

- Такие странные фотки, - пробормотала Лил. - Тут еще подписи есть с противоположной стороны. Глянь, «Пятое июня тысяча девятьсот девяностого первого года. Сегодня мне подарили собаку! Я давно мечтал о новом друге. Это самый счастливый день в моей жизни!». Или тут - «Третье августа тысяча девятьсот девяностого второго, сегодня мы переехали жить на море. Больше никакого стремительного темпа города. Впереди долгая счастливая жизнь, я уверена». А тут… «Двадцать первое декабря тысяча девятьсот девяносто пятого года. У меня родился сын! Мы с Сарой уже отчаялись завести малыша, но он быстро растет и уже хватается своими ручками за наши пальцы!». А тут вообще на французском. «Fonctionne!». Что может работать на фотографии с полем?! Может, где-то вдали трактор? Фигово людям без твиттера жилось. Подписывали фотки и забрасывали на чердак. Мол, посмотрите, моя мечта сбылась! Смех да и только.

- Ты думаешь, что это фотки разных людей?

- Ну разумеется. Ни одного повторяющегося лица. И все подписаны… Может, это какой-то флешмоб в девяностые был? А в этой глуши, кроме как использовать полароид, ничего и не остается. И ты вот поддержал традицию… Только что за девушка, непонятно. Я возьму парочку? Хочу кое-что проверить.

- Да пожалуйста.

Лил задержалась до самого позднего вечера: рассматривала фотографии, вытирала пыль, а после приготовила ужин. Ближе к полуночи она засобиралась домой, упрямо отказываясь от ночевки.

- Может, все же останешься? — обеспокоено предложил Маркус. - Ты сюда-то с трудом добралась, а обратно дорога хуже.

- Ну уж нет, в этом доме я ночевать отказываюсь! К тому же, если тебя загрызут, то я по законам жанра должна расследовать твое дело.

- Главное, не закончить как Элли, - усмехнулся Маркус, подставляя щеку для прощального поцелуя.

- Если что, звони, - уже из машины произнесла Лил. Маркусу захотелось описать ее ямочки на щеках, тугие кудри каштановых волос, взгляд серо-зеленых глаз с легким хитрым прищуром и увековечить на бумаге забавные милые шутки. Внутри опять пробудилось вдохновение, но как только раздалось рычание двигателя, сразу же улетучилось. Маркус взглядом провожал фары, пока они не скрылись за поворотом. Потом пошел к своему любимому месту на качелях и стал пристально вглядываться в темноту. Писатель одновременно и хотел увидеть странную девушку, и надеялся, что ее не существует. Взгляд задержался на фотоаппарате, лежащем тут со вчерашней ночи. Дрожащими руками он взялся за кожаный ремешок, обхватил корпус, задерживая пальцы на спусковом механизме. На секунду переставая дышать, нажал, направив объектив на вчерашнее место. Раздалось знакомое жужжание техники, из пластмассовой прорези полезла белая карточка. Привычно размахивая ей, Маркус вглядывался в темноту. В этот раз фотография начала проявляться буквально через пару минут. Знакомые стволы деревьев, пышные кустарники и… никакой девушки.

Облегченно вздохнув, Маркус направился в дом, прихватив с собой фотоаппарат. Если в окрестностях все-таки гуляет какая-то сумасшедшая, то на улице таких ценных вещей лучше не оставлять.

Проверив окна в зале, закрыв дверь на тяжелую щеколду, Маркус пошел на кухню. Неловко споткнувшись о порог, он начал падать вперед, на руки, в которых был полароид. Чтобы спасти технику, постарался посильнее расставить ноги, схватил фотоаппарат за ремешок и резко выгнулся назад. Падения удалось миновать, но сердце стремительно стучало где-то в районе пяток. К счастью, фотоаппарат остался цел, но неожиданно раздалось жужжание, поползла карточка. Когда Маркус спасал технику, он случайно нажал на спусковой механизм, потратив бесценный снимок. В одной кассете было десять штук, три из них уже потрачены.

С досадой кинув белую карточку на стол, Маркус направился наверх, спать.

***

Мобильник разрывался знакомым мотивом, проникая сквозь пелену сна, отдаваясь странным эхом. Мужчина потянулся и с закрытыми глазами нашарил на тумбе сотовый.

- Да? – хрипло спросил он.

- О, жив, - весело раздалось на том конце провода. – Если только в тебя не вселился какой-нибудь демон и не выдает себя за тебя.

- Вроде я в себе, - Маркус зевнул. – Ты чего звонишь ни свет ни заря?

- Вообще-то, время глубоко за полдень. Ты уехал музу возвращать или дрыхнуть?!

- Ты погоди, в таком доме только ужастики клепать. Высплюсь, наконец, и составлю тебе конкуренцию, потеснив с полок бестселлеров.

- Твой удел - романы, Маркус, - язвительно произнесла Лил. – Так всегда, у тебя нет личной жизни, но ты пишешь про нее, а у меня ни разу не тряслись поджилки от страха, хотя пугать других людей могу.

- Ты чего звонишь?

- Вечером к тебе приеду, есть новости, - вздохнула Лил.

- Быстро ты, однако.

- Ну это ты себе можешь позволить на пять лет выпасть из рабочего режима, - подколола Лил. — Мы, писатели попроще, пашем как пчелки, чтобы радовать фанатов.

- Ага, а потом выходит чтиво как с конвейера.

- Ой, завидуй молча, - усмехнулась Лил. – Если ты за сегодня не напишешь и строчки, то я тебе ничего не расскажу!

Короткие гудки. Лил, как всегда, оставила за собой последнее слово. Нашарив халат, Маркус встал с постели и направился на кухню порадовать себя кофе. Пока еще было светло, он хотел прогуляться по окрестностям.

Деревья стройными рядами огибали узкую тропинку, а их крона защищала от дождя и солнца. Сладковатый запах разносился по округе, разлетался с трелями птиц, развевался ветром. Маркус шел вперед, размышляя об описаниях природы в своих прошлых книгах. По правде говоря, он уделял им мало внимания, зная, что когда читатель берет в руки роман, он не нацелен узнать какого оттенка был лист на третьей ветке пятого слева дерева по отношению к кусту с ярко-алой ягодой. Он сам, как правило, подобные описания пропускал, потому и своих читателей мучить не мог. Однако сейчас, будучи ближе к природе, писатель задумался, насколько справедливым было игнорирование таких красот. Он даже достал блокнотик, взятый специально для такого случая, и сделал пометки, что дерево может быть похожим на танцующую дриаду, а куст на нахохлившегося ежа.

Птица имеет полное право величественно восседать на мрачной ветке, считая, что дерево – ее вассал, а белка любопытно выглядывать из дупла, держа на прицеле орехомет. Так Маркус назвал оружие, один из снарядов которого прилетел прямо ему в лоб. Оставалось лишь поднять фундук с земли и показать белке язык. Пока никто не видит.

Когда солнце склонилось к горизонту, Маркус уже вернулся к дому. Отперев дверь и пройдя на кухню, мужчина начал заваривать кофе. Под столом что-то привлекло его внимание. Оказалось, что это вчерашняя неудачная карточка. Подняв ее с пола, Маркус оцепенел. Колючие мурашки вновь запрыгали от самой макушки ближе к пяткам, руки задрожали, дыхание стало тяжелей. Фотография вышла косой: была заметен угол стола, паркет и часть стула. И все бы ничего, если бы на стуле не сидели ноги, до лодыжек прикрытые белоснежным платьем. На женских ножках не было обуви, а ступни соприкасались с полом исключительно пальчиками.- Больше ничего видно не было, но Маркус точно знал, что никакой девушки тут вчера, когда он споткнулся, не сидело!

Чья-то ледяная рука дотронулась между лопаток, мужчина тут же отскочил в сторону, выставляя вперед руки и оборачиваясь.

- Ты чего? – удивленно поинтересовалась Лил, - Совсем крыша поехала? Я же крикнула, что вхожу.

Маркус облегченно выдохнул, казалось, что еще немного и выйдет конфуз.

- Эй, что с лицом? Ты будто призрака увидел.

Писатель протянул карточку подруге.

- Этого вчера тут не было…

- Во дела… - протянула Лил.

- Это точно не твои приколы?

- Я когда-нибудь прикалывалась таким образом над тобой? – девушка серьезно посмотрела на Маркуса. – Меня, конечно, не вдохновляет эта глушь, но я никогда не стала бы выкуривать тебя отсюда подобным образом.

Заиграла беззвучной трелью тишина, каждый думал о чем-то своем.

- Что с этим всем делать? – спросил Маркус. – Ну же, мастер ужасов, дай мне свою консультацию.

- Если мои герои совали свой нос куда не следует, они, как правило, умирали. Или сходили с ума.

- Это, знаешь ли, не входит в мои планы.

- Ну ты это, на всякий случай завещай мне права на свои книги, - хихикнула Лил.

- Ага, чтоб ты меня и кокнула при первом же удобном случае, - продолжил шутку Маркус.

- Ах да, у меня же новости, - опомнилась девушка, вытягивая из сумочки фотокарточки. Хмурясь, она их быстро перелистала и одну из них торжественно положила на стол. – Ничего не замечаешь?

На фотографии был изображен мальчик лет пяти, светловолосый и голубоглазый, рядом с ним сидел сенбернар. На заднем фоне виднелась тумбочка с торшером, накрытым белым полотенцем, очки с зелеными стеклами, потрепанная книга и календарь.

- Вполне обычная обстановка, - пожал плечами Маркус. – Такой торшер и у моей мамы в гостиной стоит. А эти очки я видел на чердаке.

- Не туда смотришь, - перебила Лил, переворачивая карточку. – Сравни.

- Пятое июня тысяча девятьсот девяносто первого года. Сегодня мне подарили собаку, я мечтал о новом друге. Это самый счастливый день в моей жизни! - прочитал Маркус. – И?

- А теперь посмотри сюда! – Лил вновь перевернула карточку, тыкая ногтем в календарь. – Седьмое сентября тысяча девятьсот девяностого года! Понимаешь?

- Нет, - пожал плечами Маркус.

- Значит, что фотография была сделана до того момента, как была выведена запись. Однако собаку мы видим!

- Лил, притягиваешь за уши. Он мог сфотографироваться с соседской собакой, а когда у него появилась своя, сделать запись.

- Я тоже сперва так подумала, но теперь глянь вот сюда. – Лил кинула на стол вторую карточку с фотографией семейства на пляже.

Маркус тут же стал пристально разглядывать снимок: четыре человека, по-видимому, мать с отцом и двое детей. На заднем плане виднелась косая линия берега и табло с информацией о влажности, температуре воды и датой.

- Третье августа тысяча девятьсот девяностого года. Сегодня мы переехали жить на море. Больше никакого стремительного темпа города. Впереди долгая счастливая жизнь, я уверенна, - громко прочитал Маркус. – А на табло двацатое июня того же года. Ну, тоже логично. Съездили отдыхать, а потом решили переехать и записали на фотке, которая их так вдохновила.

Лил по очереди выкладывала фотографии, отмечая разницу во времени между тем, когда она была сделана, и записью на обороте. Практически на всех карточках, на которых было указание на дату, разница была от трех лет до нескольких месяцев.

- Я понимаю, что это звучит дико, - говорила девушка, - но когда подобное совпадение происходит массово, это навевает мысли. Во-первых, зачем людям делать запись многим позже, чем у них произошло какое-то счастливое событие? Да и вообще, почему такие воспоминания они оставили на старом чердаке. Изначально я брала карточки, чтобы поискать электронные версии в интернете. Обычно люди хотя бы копии делают, ну а сейчас мода всю свою жизнь в сеть выкладывать. Но ни одного совпадения! Во-вторых, у меня появилась теория, что фотоаппарат каким-то образом печатает недостающий для полного счастья предмет, существо или человека, а потом это все восполняется в реальности.

Маркус громко расхохотался, не обращая внимание на обиженно надувшую губы Лил.

- Прости, но по твоей теории, заметь, я даже не говорю, что она абсолютно сумасбродная, мне для полного счастья не хватает девушки-призрака!

- Не думаю, что это призрак, - задумчиво ответила Лил. – Может, будущая жена или дочь. Фотоаппарат решил сделать тебе подарок.

- Ты хоть понимаешь, насколько дико это звучит? – поинтересовался Маркус. – Дико и притянуто за уши. Мы никогда не узнаем, что двигало этими людьми, когда они делали фотографии, не поймем, почему они были оставлены

скопом на чердаке. Да и зачем нам лезть? Твоя теория про наложение снимков более правдоподобна, и я склоняюсь к ней. Потому что верить в то, что какой-то кусок пластика исполняет мечты, я отказываюсь, а мысль о призраках вообще абсурдна. Я прекрасно понимаю, что у тебя богатая фантазия, но не забывай, что разница между вымыслом и реальностью огромна. И одно дело – писать книги, а другое – жить в них.

Вот именно поэтому у тебя нет вдохновения! – вспыхнула Лил. – Именно потому, что ты позабыл как это, – совмещать две вселенные. Тебя покинула муза, и ты не можешь написать ни строчки!

- Либо я просто исписался, - примирительно поднял руки Маркус. – Но мне надоели ничего не значащие истории, над которыми разве что бродяжка в парке будет смеяться. Мне хочется написать что-то, что тронет каждого.

- Импотент, - буркнула Лил.

- Чего?!

- Литературный импотент, говорю, - повторила девушка. Она уже немного остыла.

- А это к чему?

- Просто сравнение прикольное, - усмехнулась Лил. – Ладно, не хочешь верить, не надо. Пусть эта загадочная девушка будет только наложением снимков.

- Вот и ладненько. Так, а где моя выпечка?

- Ты ничего не написал, фигушка тебе с маслом, а не мучное.

Маркус извлек из кармана небольшой блокнот и помахал в воздухе. Лил удивленно смотрела на друга - ей не верилось, что он начал борьбу с затянувшимся творческим кризисом. Маркус, паясничая, начал громко зачитывать свои зарисовки, то изображая белку, то танцующую нимфу, то ежика, притворившегося кустом. Лил громко хохотала и по-детски хлопала в ладоши. Больше тема фотоаппарата за вечер не поднималась.

Проводив подругу до гостевой комнаты, Маркус пошел к себе и долго не мог уснуть. В его душе возник ураган, идеи беспорядочно проникали в сознание, образы яркими картинками отпечатывались в голове, а мысли складывались в витиеватые предложения.

Лишь спустя несколько бессонных часов до Маркуса дошло, что это То самое. То, что сопровождало его еще пять лет назад. К нему вернулись Вдохновение и Муза…

- Муза? – прошептал Маркус в темноту. Догадка замелькала на задворках сознания, проникая в сердце и пуская в него корни.

Включив торшер, Маркус встал с постели, взял полароид и подошел к окну. Яркая вспышка, ставшее привычным жужжание, и в его руках карточка, которой он тут же стал размахивать. В этот раз долго ждать не пришлось, изображение проявилось почти сразу.

На ветке дерева напротив окна сидела девушка. Теперь Маркус понимал, что она как две капли воды похожа на героиню его первого романа. В руках у нее была книжка в глянцевой обложке, как у той бездомной в парке. Именно в этом произведении девушка играла главную роль. В романе, ставшим первым, но не последним. В том, которым больше всего гордился Маркус: написанным от души и с невероятным желанием донести до читателя свою историю, поделиться мыслями, не думая об ответственности за каждое слово, но четко проводя его через призму восприятия.

Поразмыслив, Маркус достал из дорожной сумки ноутбук, сел на кровать, облокотившись на спинку, открыл белый, до боли знакомый лист и начал игру слов на клавишах:

«Старые пыльные книги с потрепанными корешками, разные жестяные коробки с горкой вечно нехватающих болтиков, доисторический железный велосипед с широким рулем и плетеной корзинкой, картины, прикрытые пыльной тканью, игравшей когда-то роль пышного платья. Детские фарфоровые куколки, плюшевые игрушки и фотографии. Много разных фотографий».

Под утро коллекция фотокарточек на чердаке пополнилась еще одной: девушка, сидящая на дереве с книгой в руках. На ее лице блуждала легкая улыбка, глаза хитро улыбались, а белое платье, едва прикрывающее ноги, развевалось по ветру. На обороте снимка было написано: «Ко мне вернулась Муза, постараюсь ее не разочаровывать!».

ХОЗЯИН НА ЧЕРДАКЕ

Екатерина Сорокина

«Теперь про меня никто не вспомнит...»

Он сидел и смотрел сквозь чердачное окно на последнюю жительницу деревни. Марья была с ним с самого раннего детства. Кормила сметаной и молоком, а он платил добром за добро — помогал по хозяйству, ловил мышей, убирал паутину. Она смеялась и называла его Хозяином, так постепенно он и свыкся с этим именем.

Унылый дождь бил по крышке дешевенького гроба, а рядом шли насупленные родственники, в голове у которых были мысли только о наследстве.

Старый деревянный дом, несколько кур, да старая корова — вот и все Марьино наследство. Летом изредка дети приезжали к ней в гости, но по хозяйству никто не помогал. Конечно! Это же надо было ручки марать!

Единственный друг ушел в землю, и теперь не будет уютных вечеров на теплой русской печке, не будет рассказов Марьи об огромном мире, не будет молока и сметаны… Не будет ничего.

Старенький домик так и останется прибежищем для диких котов и собак, пока совсем не рассохнется в труху. Некому будет топить печь, подметать пол, открывать утром окна, чтобы свежий воздух проветрил комнаты...

От серой и недовольной толпы родственников отделилась маленькая фигурка в желтом дождевике. Он даже не обратил на нее внимания, полностью погруженный в свои мрачные мысли. Марьи нет, дома скоро не станет, что же ему делать? Он умрет один — голодный и холодный, и никаких воспоминаний не останется ни о нем, ни о его Хозяйке. Старый, продуваемый всеми ветрами чердак станет его гробом.

- Хозяин мой, пойдём со мной, Хозяин мой, пойдём со мной, Хозяин мой, пойдём со мной...

Он обернулся и увидел маленькую девочку в желтом дождевичке, дрожащую от страха на темном чердаке, но смело произносящую такие важные для него слова.

- Бабуля говорила, что тебя в обуви выносить надо. Не знаю зачем. А на улице мокро, поэтому я сапожок взяла.

«Лизонька! Внучка Марьина! Младшенькая!» Он помнил ее, она была доброй, маленькой, любопытной девочкой, с восторгом слушала

сказки, и вот теперь она единственная вспомнила наставления бабушки и вернулась за ним.

Он знал, что девочка не видит его. Утратили люди веру в духов, потеряли зрение! Марья тоже его не видела поначалу, а потом смогла. Просто поверила всем сердцем и смогла увидеть невысокого старичка, пусть мельком, пусть он ей казался тенью, но она увидела! Домовой не раздумывая залез в подставленный детский сапожок. Смешной такой, красно-зеленый и очень маленький.

Лизонька боялась оставаться на темном и страшном чердаке, поэтому подняла сапожок и удивленно посмотрела на него: пустой, а тяжелый.

«Не бойся девочка, я тебя в обиду не дам!»

Чердак провожал своего последнего жильца темнотой и сыростью. Дом опустел и умер вместе со своей хозяйкой, но домовой обрел новое жилье благодаря маленькой девочке, которая поверила бабушкиной сказке о Хозяине на чердаке.

ДИЛЕТАНТЫ

Ирина Шевелёва

Будуарные дамы и франты.
Разговоры ни о чем, просто так.
Дилетанты мы все, дилетанты.
Потому ли наши рифмы - пустяк?

Раздаются награды и гранты,
В Запределье, где нас еще нет.
Дилетанты мы все, дилетанты.
Но в зародыше зреет поэт.

Жмут плохому танцору пуанты,
Бьется в клетке стандарта талант..
Дилетанты мы все, дилетанты.
Только кто ж нынче не дилетант?

КОТЫ

Александра Ленинградская

Коты умней, чем думаешь. Средь суеты
Находят свой покой, стирая животы.
А ты?

Они найдут пороки всех людей.
Им нет труда увидеть, кто герой, а кто злодей.
Конечно, ты не чародей...
Уж не халдей!

Сердца
Они забрали наши. Без конца
Прелестны и милы пушистые тельца,
Что гладить можно без конца
Чаёвница.

Пока
Миры полны ворчанья старика,
Нальёт немного теплого млака
Твоя худая цепкая рука.

Наверняка,
Все те, лишь для кого уют,
Когда их кто-то любит, и для них поют,
Счастливее тогда они живут
И менее берут, чем отдают.

И тут несложно всем понять -
Чтобы сиять,
Тебя нужно обнять.
Опять.

Я возвращаюсь к ним -
Всем этим белым и цветным,
Всем этим толстым и худым,
Всем этим тихим, озорным,
Ко всем таким родным...
Да-да, и это всё коты,
А ты?!

ЗЕРКАЛО

Елена Смолицкая

Посвящается всем, кто потерял себя.

Безудержное бешеное время
Проносится и ветром обдаёт.
А зеркало коварное не дремлет...
Портрет забытый в прошлое зовёт.

Твои глаза тогда горели ярко,
Сбывались сны, свершались чудеса –
Всё было просто. Сердце билось жарко,
Дарили песни щедро небеса.

Зачем потом дожди хлестали рьяно?
Зачем снега безжалостно мели?
Как возродить цветущие поляны
Изрытой и обугленной земли?..

***
Единство природы, единство всех сил –
Спасенье от страхов и зол.
Кто это единство в себе ощутил,
Тот знает, откуда пришёл.

А ПОСЛУШАЙТЕ, БРАТЬЯ-ПИСАТЕЛИ...

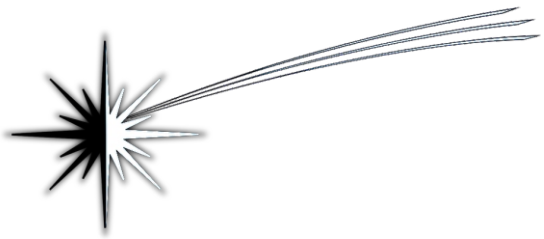
I_Panda_0_0

А послушайте, братья-писа́тели,
Ведь давно перо мы не по́льзуем.
А на что же время мы тратили,
Проводили его разве с по́льзою?

Влили горечь свою мы в рассказы.
Да в рассказики разные-всякие.
Уж в поэзии много проказы,
Всё помечено траура знаками.

Позабыли своё очень светлое,
На Земле назначение важное.
Удивлять, летящей кометою,
В радость созданию каждому.

А послушайте, братья-писатели,
Может станем вновь мы волшебными?
Чтоб глядели, дивясь все мечтатели,
На творения наши нетленные.



И плавится свеча

Надежда Гаврилова

Нет сил и веры, чтобы стать счастливой.
Сгорает день исписанным листом.
Стирает август летние мотивы,
И, уходя, не помнит ни о чем.

А ночь, пророча тягостную осень,
Впустив в мой дом настойчивые сны,
Не облегчает мысли и подносит
Испить бокал печали и вины.

И ты в своем уходе без причины
Так предсказуем. Предопределен...
Потерянных надежд моих лучину
Не засветить. Не обогреть ладонь.

Пусть тот порыв, бездумный и невинный,
Забудется и схлынет как-нибудь...
И плавится свеча из парафина,
Освобожденья постигая суть.

Я коснусь твоей души...

Целуйко Дарья

- Я коснусь твоей души. Можно?
- Да, наверно.
Только боль не причини. Можешь?
- Непременно...

Ты же помнишь: я лишь тень. Демон.
- Ну и что же?
- Боль других - мой сладкий плен. Моя страсть.
- Похоже.

Для меня боль - это крест. Тьма внутри.
- На грани?
После долгих жалких лет. Не сбежать.
- Я знаю.

Я одна, и путь мне в ад. Страха нет.
Проклятье.
Боль - со мною лишь она. Да и ты...
Приятель.

Демон, был бы ты со мной? Без души?
- Не знаю.
- Правда. Вот он мой герой. Жаль, лишь тень.
- Смущаю?

Боль в тебе тебя убьёт. Знаешь?
Я спасенье.
Стоны, крики, забытьё... Бредни.
Наваждение.

Я коснусь твоей души. Можно?
- Да, наверно.
Только боль не причини... Больно!
- Только телом.

ИСКУССТВО – ДОРОГА В ЗАВТРА

Смолицкая Елена Евгеньевна

Кратко: В статье рассматривается роль искусства в обществе, его цели и эталоны. Приводятся стихотворные и прозаические высказывания классиков и современников на тему искусства.

Согласно словарю, искусство – это

1) художественное творчество в целом,

2) художественно-образная форма освоения мира,

3) высокая степень умения, мастерства в любой сфере деятельности.

Если кто-то умеет создать яркий образ, необычное сочетание слов или красок, выразительно донести мысль, то его произведения считают искусством.

При этом яркие впечатляющие образы могут носить разную окраску: можно искусно описать чувство Любви, благородный поступок, а можно так же искусно описать грязные поступки, похотливые мысли или, например, чувство безысходности (последним часто грешат декаденты или просто страдальцы «несчастной любви»). Получается, что искусство может нести как добро, так и зло, может быть как созидательным, так и деструктивным.

Именно поэтому ещё ничего не означает высокая оценка критиками произведений искусства, ибо они чаще всего оценивают именно искусность, а не смысл и – тем более – не последствия влияния данного произведения на общество.

А влияние это на самом деле велико. Почему? Обратимся к глубинам искусства и психологии.

Искусство многослойно: в нём есть первый смысловой ряд, второй и последующие смысловые ряды, авторское отношение к герою (которое может быть различным и не всегда открыто выражается, что усложняет понимание произведения), полутона чувств и оттенки эмоций… За счёт всего этого смысловая насыщенность художественных произведений очень велика и сложна. И мы, читая стихотворение или смотря фильм, не всегда сознательно обрабатываем всю передаваемую данным произведением информацию, и то, что не попало в поле зрения сознания, идёт прямо в подсознание. Произведение искусства содержит модель жизни или её отдельной сферы (например, модель отношений мужчины и женщины).

Итак, за счёт своей образности и многослойности художественные произведения впечатываются в подсознание, где незаметно для нас остаётся квинтэссенция произведения и авторского взгляда на жизнь. Искусство воздействует не столько на ум, сколько на душу.

Не зря Ю. К. Олеша говорил: «Писатель - инженер человечески душ». Правильно писал и В. Маяковский: «Слово - полководец человечьей силы». Искусство – это образный способ программирования человеческих поступков, а значит, будущего. Искусство – это дорога в завтра.

Поскольку произведение искусства может нести в себе как полезные, так и вредоносные программы, то оно может как взращивать высоконравственного Человека, так и разлагать его. Поэтому авторам следует задуматься над

ответственностью за смысл своих произведений, за создаваемые образы. Сейчас многие понимают, что мысли материализуются. Это не мистика, а простая психология.

Многие авторы над этим, к сожалению, не задумываются и пишут всё то, что им пришло по «вдохновению» (употребление кавычек будет обосновано ниже). При этом многие, наверно, замечали, что каждому приходит своё, подходящее по духу именно ему. Почему так происходит?

Дело в том, что произведение отражает мировоззрение и нравственность автора, его видение мира, его поведенческие установки и парадигмы мышления. Причём всё это просачивается в произведение как бы само собой, чаще всего незаметно для автора, ибо идёт, опять же, из его подсознания. (Поэтому, кстати, свои произведения можно использовать для самоанализа, ведь они показывает каждому его же внутренние проблемы. Часто результат творчества удивляет и самого автора, т.к. процессы зарождения произведения в подсознании в обычной жизни не отслеживаются. Творчество – это как бы послание самому себе.)

Некоторые авторы снимают с себя ответственность, ссылаясь на «вдохновение», а кто-то даже утверждает, что сюжеты и образы приходят от Бога. Так почему же при упоминании о вдохновении в данной статье используются кавычки?

Слово «вдохновение» означает, что Бог вдохнул в автора свою идею. По вдохновению приходят самые чистые и самые правдивые произведения, которые согласуются с Божьим замыслом. А глядя на многие произведения, которые попадаются на глаза, понимаешь, что они пришли к автору явно не от Бога. Кроме Бога есть дьявол, коллективное бессознательное (о котором писал ещё Юнг) и масса других источников информации. Произведение искусства может родиться в голове автора под влиянием каких-то групп людей, философских течений, окружающей культуры или даже повседневных событий. И «вдохновение» в подобных случаях – это всего лишь красивое слово, которое можно спокойно заменить на «впечатление» или «наваждение».

Если же кто-то из читателей данной статьи не верит в Бога, дьявола и не признаёт коллективное бессознательное, то даже без употребления этих категорий данное рассуждение остаётся в силе, ибо влияние на автора его окружения и культуры никто не отменял.

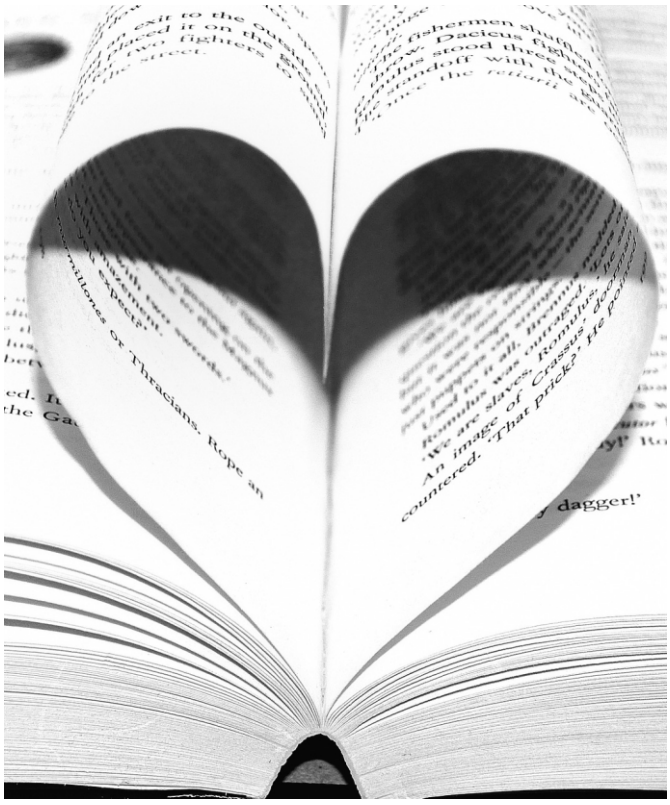
Таким образом автор неосознанно передаёт те или иные идеи, которые сам где-то черпает.

Это значит, что всё написанное надо анализировать с позиций нравственности, и только потом решать, показывать ли это народу или лучше не стоит, чтобы свои заблуждения не передавать другим. Писать можно всё, что пришло, но публиковать – далеко не всё.

Если кто-то из авторов обиженно скажет, что он не рупор, а творец (что он не передаёт чужие идеи, а осознанно вкладывает в произведения свои собственные), то ответственность данного автора за свои произведения тем более возрастает, ибо он сам создаёт модель реальности, а значит, должен отвечать за то, что он создаёт.

В конце XX – начале XXI века стало модным мнение, что искусство должно быть свободным, что нельзя ему навязывать какие-то эталоны и рамки, и что даже «грязное» искусство нужно, ибо отражает действительность, что оно может быть также высокохудожественным и востребованным, и это якобы нормально. Порой встречаются мнения, что добро и зло – это вообще относительные понятия, поэтому искусство нельзя оценивать с этих позиций. Так ли это?

Начнём с главного. Для отдельных индивидов добро и зло действительно относительны, ибо то, что одному хорошо, другому может быть плохо. Но если посмотреть в масштабах всего человечества, то мы увидим общие закономер



ности и поймём, что есть процессы, которые можно проследить как однозначно полезные или вредные для общества в целом. Есть ценности, общие для всех конфессий, всех правовых систем, для древности и современности. Например, во все времена были запрещены убийства и изнасилования, а те общества, где это допускалось, рано или поздно изжили себя. Всем нормальным людям хочется любви, гармонии, здоровья, мирной жизни. Голос совести (если он не подавлен) говорит всем одно и то же. Люди, которые имеют чувство справедливости и умеют видеть общие закономерности в мире, понимают, что есть объективное добро и объективное зло. Эти люди интуитивно чувствуют, что существуют общие ценности, к которым стремится душа любого человека и без которых невозможно счастье. Именно эти ценности должны быть критерием оценки любой деятельности.

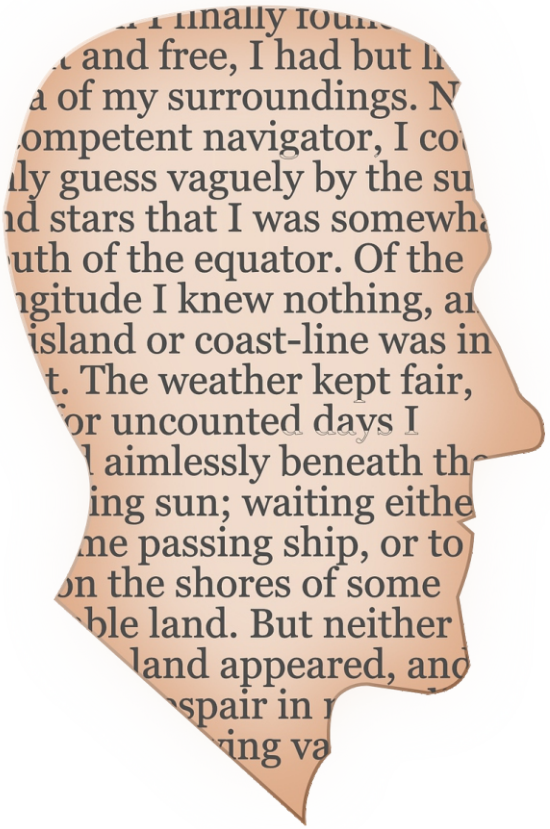
Поскольку искусство – это, как мы выяснили выше, дорога в завтра, и это «завтра» требует общечеловеческих идеалов, то и искусство должно подчиняться таким идеалам, должно быть созидательным. Такое искусство способно воспитывать людей, которые способны и желают жить по-человечески, могут учиться быть счастливыми и учить этому других.

А если искусство создаёт чувство безысходности, несёт в себе вредоносные для общества установки (эгоизм, нигилизм, культ секса, насилия и т.п.), то оно является деструктивным и ничего хорошего не даст, каким бы искусным и высокохудожественным оно ни было.

Кто-то скажет: ну надо же изобличать пороки, отображать тёмные стороны действительности! Что ж, тут надо различать: даёт ли автор в произведении негативную оценку порокам, даёт ли он альтернативу им? Или же он просто смакует человеческие пороки, ярко и образно их описывая, тем самым, по сути, делая их более популярными или даже привлекательными?

«Все псевдоноваторские попытки обойтись без этического напряжения, без понимания, где верх, где низ, где добро, где зло, обречены на провал и забвение, ибо дело художника вытягивать волей к добру из хаоса жизни ясный смысл, а не добавлять к хаосу жизни хаос своей собственной души». (Фазиль Искандер)

«В поэзии нужна страсть, нужна ваша идея, и непременно указующий перст, страстно поднятый. Безразличие же и реальное воспроизведение действительности ровно ничего не стоит, а главное - ничего и не значит». (Ф. М. Достоевский)



Также хочется вспомнить слова М.В. Ломоносова: «Ошибки замечать не многого стоит: дать нечто лучшее - вот что приличествует достойному человеку».

Творения, «отражающие суровую действительность», в которых не чувствуется негативное отношение автора к порокам и не даётся альтернативы, портят вкус читателю и развращают умы. Искренне жаль авторов, которые не умеют увидеть прекрасного в жизни, а ведь она так многообразна и вдохновенна! Кстати, чтобы через искусство достойно донести светлую идею, нужен большой талант. Когда пишешь о добре, сложнее найти нестандартный подход, удивить читателя, не скатиться в шаблоны. Поэтому созидательное творчество всегда будет оставаться той сферой, которая требует наивысшей степени мастерства. Дерзайте, художники жизни! Покажите, на что вы способны, отточите свой талант!

«Самый великий подвиг искусства – вырвать прекрасное из жизни, подчас враждебной, хмурой и некрасивой, вложить гигантский труд в создание подлинной, безусловной, каждому понятной, каждого возвышающей красоты.

Мало этого, тебе придется бороться со все распространяющимся влиянием бездельников, думающих ловким трюком, фокусом, удивляю

щей безвкусных глупцов выдумкой подменить настоящее искусство. Они будут отвергать твои искания, глумиться над твоим идеалом. Сами неспособные на подвижнический труд настоящего художника, они будут каждый найденный ими прием, отдельное сочетание двух красок, набор мазков или удачно найденную светотень объявлять открытием». (И.А. Ефремов, советский писатель)

Даже встречаясь в жизни с бедами, настоящий Человек, душою чувствующий, каким должен быть мир, как настоящий Творец, создаёт его сам.

Поэтесса Ксения Некрасова хлебнула очень много горя на своём веку, но вот какие стихи она писала:

РАЗДУМЬЕ
На столе открытый лист бумаги,
чистый, как нетронутая совесть.
Что-то запишу я в памяти моей?...
Почему-то первыми на ум идут печали,
но проходят и уходят беды,
а в конечном счете остаётся
солнце, утверждающее жизнь.

Учитывая то, что искусство – это мощнейший инструмент воздействия на психику, истинной, достойной целью творчества должно стать совершенствование мира и распространение высоких общечеловеческих идеалов. Это прекрасно понимал А. С. Пушкин:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал...

Многие стихотворцы, особенно начинающие, возможно, скажут, что они себе не ставят такую цель или что им её не осилить. И добавят, что они просто пишут:

- потому что не могут не писать,
- для собственного удовольствия,
- чтобы разобраться в себе,
- чтобы выразить избыток эмоций и впечатлений,
- для самовыражения и т.д.

Уважаемые авторы, давайте признаемся себе, что продукты такого творчества ценны в первую очередь для вас, а другим людям они могут быть даже вредны (имеется в виду вред душе читателя, если в прочтённом им произведении проявились вредоносные установки автора или пороки его мировоззрения, которые передаются читателю).

Как ни парадоксально, зачастую при этом произведения читателям нравятся и доставляют эстетическое удовольствие, и потребители такого искусства не осознают наносимого им морального вреда и просят ещё, всё больше трансформируясь и приближаясь к автору по мировоззренческим стандартам. И если эти стандарты ущербны, то получается, что «сумасшествие заразительно».

Вспоминается забавный афоризм неизвестного автора: «Творчество – как топор: можно дров наколоть, а можно и бабку зарубить».

Наш современник Юрий Иванов написал замечательное стихотворение о смысле творчества:

Слагать стихи - не праздная забава,
А труд нелёгкий по спасению души,
Глупец, кто пишет что-то ради славы
И достижения каких-нибудь вершин.
Стихи приходят иногда и свыше,
Но мы - старатели на копях красоты,
И радостно, когда брильянт отыщешь,
Звездой блеснувший среди полной темноты.

Радует, что в наш век, когда свободы больше, чем ответственности, ещё есть люди, осознающие в себе Человека и чувствующие, в каком направлении стоит идти.

Напоследок хочется выразить свои мысли в стихотворной форме:

Искусство – дорога в завтра.
Так говорил мой друг.
Оригинально... А вдруг
Это кристальная правда?
Искусство куёт наши мысли,
А мысли рождают поступки.
Свистят они, как бумеранги,
Похожие чем-то на пули,
И глыбами невероятными
Они громоздятся вокруг.
Образы… мысли… поступки…
Может быть, прав мой друг?

Благодарю за внимание и особенно – за понимание.

КАК ПИСАТЕЛЬ НАПИШЕТ, ТАК КОРАБЛЬ И ПОПЛЫВЕТ

Ярослав Хотеев

В мире все относительно и нет чего-то абсолютного. Нет абсолютного зла или добра, бесконечно милы только котики.

У писателя есть возможность опровергнуть законы мироздания и творить практически все что угодно.

В руках писателя опасное оружие – слово. Складывая слова в текст, можно придать любой ситуации свою точку зрения. И более того, показать, в рамках того же текста, что она единственно верная.

Речь идет не о каких-то научно доказанных фактах. Имеется в виду любая сюжетная ситуация. Автор может вести повествование от лица доброго героя. Герой может быть многогранной интересной личностью со стальным характером, закаленным печальным прошлым. Стоит написать про невзгоды персонажа, о том, что семья была убита бандитами, а котенок похищен колдуном, и читатель начинает сопереживать, а может и гореть праведным гневом.

На пути добра рано или поздно встает зло. Зло может быть разным. Можно сделать его абсолютным, то есть не вдаваясь в детали, повесить ярлык «злое зло». Почему колдун злой? Почему злого короля считают тираном? Неважно. Просто он злой, а вечерами мучает щенят в своей комнате.

Естественно, если не раскрывать личность злодея, его мотивы, симпатии читателя так и останутся на стороне добра. Но если добавить деталей, позволить читателю взглянуть на антагониста с другой стороны, чаши весов могут сравняться.

Умелый писатель может балансировать на этой драме, когда нам понятны мотивы обоих героев. Когда мы понимаем, что движет добрым героем и почему злодей хочет ему помешать. Да и злодей ли он вообще? Может быть, герои находятся просто по разные стороны баррикад, но на равных условиях.

Осознавая перспективы, становится немного жутко: насколько легко манипулировать сознанием читателя. Представьте абстрактный спор или конфликт в романе. Какую сторону займете вы в реальной жизни? Уверен, если рассуждать логически, то необходимо выслушать обе стороны, изучить факты и сделать какие-то выводы. Но даже в реальности возможно, что решение будет приниматься на уровне эмоций, какой-то привязанности к одной из сторон или отождествлению ситуации со своим жизненным опытом.

В книге привлечь симпатию читателя к нужной стороне еще проще. Достаточно не раскрывать версию стороны противника и утаить факты. Можно сравнить с ситуацией, когда подсудимому заклеили рот и не дают шанса оправдаться. Автор просто умалчивает о мотивах противоположной стороны, заранее выставляя ее виноватой в глазах читателя. А читателю, увы, некуда деваться – если текст убедителен и не воспринимается в штыки, то воображение следует по проложенной автором дороге.

Имея подобную власть, можно вдалбливать людям практически любое отношение к требуемым фактам.

Естественно, не все так просто.

Если вы напишите, что фашисты были на самом деле хорошими и освобождали советские земли от гнета Сталина, то будете с позором раскритикованы читателями. Почему? Потому что мы знаем, как было на самом деле. И это

знание сильнее, чем жалкая попытка оклеветать великую победу.

Возвращаясь к названию статьи, у писателя есть полная свобода действий. Он может обеспечить кораблю спокойное плавание, а может гнать его по волнам сквозь страшные бури, сажать на мель или закручивать в водоворот. И в каждый момент, имея убедительный слог, автор способен придать нужную атмосферу, вызвать определенные чувства, заставить сопереживать или ненавидеть.

КНИЖНЫЙ ОБЗОР: «РЫЦАРИ СОРОКА ОСТРОВОВ»

Наталья Скворцова

Это первый вышедший в свет роман Лукьяненко, написанный в 1988-1990 и опубликованный в 1992 году. Жанр - героико-романтическая и приключенческая фантастика, и, несмотря на то, что главными героями книги являются подростки, произведение хорошо читается и в четырнадцать лет, и в гораздо более позднем возрасте (это не пустые слова, ведь я читала эту книгу дважды).

Некоторое настроение роману задает уже эпиграф, который является цитатой Владислава Крапивина: «…Дети могут воевать со взрослыми. Взрослые тоже воюют с детьми, они одичали. Но дети не воюют с детьми ни на одной планете – они еще не посходили с ума!» Однако мне тут же вспомнились другие слова, принадлежащие Сальвадору Дали: «Самые жестокие существа на свете — дети. Их готовность убить и надругаться не знает себе равных». О том, какая же из этих мыслей ближе к истине, придется решить самому после прочтения книги.

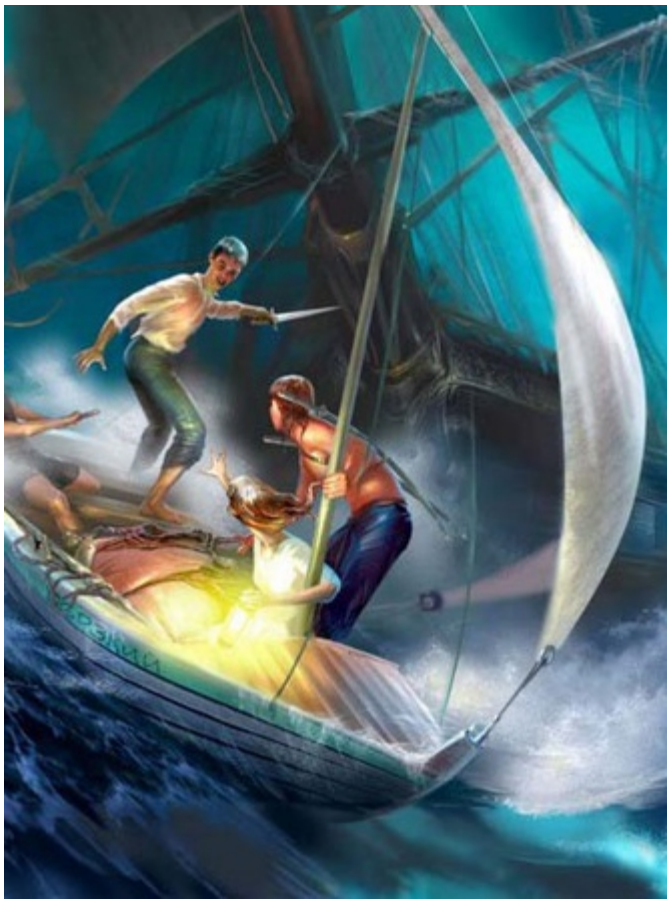
Вообще, начало очень «крапивинское». Мальчишки и девчонки, играющие в рыцарей. Благородство и подлость, трусость и отвага. Старые и новые друзья, тайны, сражения, планы... Надежды и их крушение. Однако чем дальше, тем меньше Крапивина и больше Лукьяненко (рискну предположить, что именно раннего Лукьяненко).

Суть книги в том, что Дима, главный герой романа, по воле судьбы (а точнее, с легкой руки пришельцев) попадает на некий остров Алого щита, где его встречают такие же, как и он, мальчишки и девчонки в возрасте от шести до семнадцати лет, которые до поры до времени жили в разных городах и разных странах в семьях со своими родителями. Ныне же они полноценные обитатели Сорока Островов. Кто-то пробыл здесь всего ничего, а кто-то – уже несколько лет.

Пришельцы придумали для игру: жители всех островов обязаны сражаться со своими соседями (каждый остров соединяется мостами с тремя такими же), цель – захватить их все. Победители возвращаются домой, пленные же этого права лишаются навсегда. Смысл игры заключается в боях на деревянных мечах, становящихся стальными, когда владелец меча готов убить противника. Основных правил всего три: не «играть в поддавки», не играть после развода мостов и не смотреть вверх, когда заходит солнце.

Возможно, эта история не имела бы конца, если бы не наложилось несколько факторов: случайная встреча Димки со своей тайной любовью – одноклассницей Ингой, его находчивость, доброта и бескорыстие девочки, и, конечно же, бесстрашие и невероятное желание жить всех тех, кто окружал детей во время этого долгого пребывания на острове.

Книга, несомненно, стоит того, чтобы ее прочитали. Да, она довольно жестока, и остается лишь радоваться, что кому-то удалось избежать участи быть заключенным на острове, в бездействии, в вечной ловушке, в самом себе. Страшно представить, что с каждым взмахом клинка ты выигрываешь минуты жизни и приближаешь смерть. Но помимо прочего, это также книга о доброте и верности, об отваге, самопожертвовании, а также о дружбе и любви – понятиях, так и оставшихся незнакомыми для пришельцев.



Роман держит в напряжении с первых страниц и до самого конца. Герои остаются жить в сознании даже после ее прочтения. Язык легкий и ненавязчивый, но берущий за душу, когда это необходимо. Без лишнего пафоса, без вымученных диалогов.

Кому понравится эта книга? Смею предположить, что очень многим. Здесь и фантастика, и приключения, и рыцарский роман, и любовная лирика. Герои, которые, по сути, еще дети, но думать они научились получше многих взрослых.

Концовка может показаться немного странной, но я нахожу в этом особую прелесть. Не хочется кидаться спойлерами, поэтому скажу лишь, что последние строки не позволяют просто захлопнуть книжку и забыть. Сюжет не отпускает на протяжении долгого времени, заставляя прокручивать слова вновь и вновь, возвращает в мир «Сорока Островов».

ТЕСТ: ОПРЕДЕЛИ СВОЙ ТИП ПИСАТЕЛЯ

Тест носит развлекательный характер. Предназначен для людей, знакомых с понятием самоирония. Людям ранимым и обидчивым проходить не рекомендуется :)

Возьмите карандаш (или загибайте пальцы) и отметьте, каких ответов будет больше: А, Б, В, Г или Д. После теста будет дан перечень типов писателей. Чур, тапками не кидаться…

1) Как у вас в голове возникает идея книги/рассказа?

А) Читаю книги, смотрю фильмы, изучаю исторические трактаты. Пытаюсь найти среди всего вышеуказанного что-то свое, слить разные идеи воедино.

Б) Ну, все идеи уже давным-давно раскрыты. Почему бы не вписывать в известные сюжеты своих героев, добавляя какую-то другую оригинальность в мироустройстве, характерах или еще в чем-либо.

В) Сложно описать процесс возникновения идей.

Г) Мои идеи, конечно, не новы. И сложно претендовать на какую-то уникальность, но лично я пытаюсь искать их в мелочах: чашке кофе, летящей по ветру газете, в улыбках и разговорах прохожих.

Д) Идей не бывает много, есть лишь одна. И если вдруг идея возникла, то она не отпустит до последнего. После реализации такой идеи все остальное будет бессмысленными творениями.

2) Почему вы пишете?

А) Я получаю удовольствие от написания, но и хочу быть услышанным.

Б) А почему бы, собственно говоря, и нет? Я могу не хуже других. Ну, и мне это удовольствие приносит/чешет чсв.

В) Не могу не писать.

Г) Потоки слов, хотя иногда и спорных, сами сливаются в предложения. Предложения в абзацы, а абзацы в главы. Есть, конечно, куда стремиться по части качества, но остановить процесс словоизлияний у меня не получается.

Д) Мне есть, что сказать людям. Я могу чему-то научить, донести суть и идею, мир.

3) Чем вы отличаетесь от остальных писателей?

А) Я пытаюсь постоянно развиваться, начиная от слога и заканчивая сюжетами.

Б) Я не лучше и не хуже остальных. Точнее, в чем-то лучше, в чем-то хуже.

В) Тем, что у меня немного иное видение на литературу в целом. Сейчас на полках очень много спорной писанины, но и однозначного ответа быть не может.

Г) Есть писатели, которые намного лучше меня. Таких, что хуже, встречать приходилось крайне редко. Поэтому вопрос об отличии неоднозначный.

Д) У меня есть уникальная идея и я готов ее реализовывать, не тратя время на побочные. Самая главная ошибка автора – расточительность и распыление.

4) Как вы пишете текст?

А) Я считаю, что нужно продумать каждое слово, убрать все повторы, проверить согласованность предложений. Это очень трудная работа, требующая максимальной внимательности. Сложно просто взять и написать.

Б) Неважно, как я пишу. Главное добиться большего количества читателей, как-то продвигать свои произведения в массы.

В) Зависит от времени суток и внутренней расположенности. Бывает, страничек двадцать с одного захода рождается, а бывает, неделю над одним абзацем бьешься.

Г) Каждый положительный комментарий побуждает писать больше и чаще, а негативный - забросить все в стол и держать руки подальше от клавиатуры. Моя работа строится именно на отзывах, увы.

Д) Тут очень важна связь с героями или миром. Бывает, что они не дают себя написать, их все не устраивает. В общем, раз на раз не приходится, но без связи с тем миром писать невозможно.

5) В чем вы черпаете вдохновение?

А) Вдохновение - понятие относительное. В голове созревает какой-то образ, а я мысленно пытаюсь его развивать: придумать мотивацию, вложить идею, проследить логику персонажа и его пути.

Б) Смотрю фильм, слушаю музыку, читаю книги -- вдохновение везде.

В) Меня могут вдохновлять люди, пешие прогулки или заоконные пейзажи.

Г) “Аппетит приходит во время еды”. Бывает, сажусь писать без вдохновения, а потом цепляюсь за идею/персонажей, и хочется творить все больше и больше. А вот есть ли в этом смысл - другой вопрос.

Д) Вдохновение незримо висит в воздухе, но черпать его стоит из собственных идей/персонажей/мира. Лишь это сможет настроить на нужный лад.

6) Считаете ли вы себя графоманом?

А) Определенно, нет.

Б) Бывает, иногда как накатит… Но я быстро отделываюсь от этого чувства.

В) Я слишком долго шел/шла к нынешнему уровню, потому графоманом себя не считаю.

Г) Определенно, да.

Д) Я стараюсь показывать особенных персонажей и их мироустройство. Может ли это считаться графоманией? Не уверен(а).

7) Какая часть работы раздражает вас больше всего?

А) Вычитка. Она сильно выматывает.

Б) Публикация творчества, распространение по разным ресурсам, рассылка - всего отнимает больше всего времени.

В) Доведение работы до совершенства путем переписывания. Не только предложений, но, зачастую, и сюжета.

Г) Раздражает период ожидание комментариев, не чувствуется отдача… А так - все просто.

Д) Иногда хочется в определенную сцену вложить нужные эмоции, но не всегда получается. Поиск нужной эмоции - самое сложное.

8) Как вы справляетесь с ленью и боязнью чистого листа?

А) Стараюсь выработать привычку писать каждый день. Хотя бы по чуть-чуть. А боязнь чистого листа прикрываю четко продуманным планом и хорошим названием.

Б) Читатели ждут - это немного подгоняет.

В) Не стоит забывать, что писательство - это работа. И работа трудная, но ее надо выполнять независимо от настроения.

Г) А никак. Сажусь и пишу. Боязни белого листа нет, а ленью не страдаю, а наслаждаюсь.

Д) Увидеть яркий кадр и запечатлеть его во фразе, дальше все идет само.

9) Выберите идеальную формулу текста.

А) Мотивация у персонажа + путь к цели + продуманный мир.

Б) Текст, способный заинтересовать читателя: крючки там, где надо, интересные яркие герои - остальное вторично.

В) Четко продуманная психология, мир, который можно разобрать по кирпичику, хороший язык и атмосфера.

Г) Пишу интуитивно.

Д) В тексте главное не формула, а жизнь.

10) Представьте, что вы снова в начале творческого пути. Что бы вы пожелали себе?

А) Не пренебрегай советами мэтров своего дела, смотри на окружающих и делай выводы. Опыт очень полезная штука!

Б) Чувак, ты будешь крутым, просто не ленись!

В) Не бросай старые тексты, а доводи их до совершенства!

Г) Завязывай ты с писательством, гиблое это дело…

Д) Слушай голос внутри себя и тогда все получится!

1.(А) Аппер-писака.

Писатель, который пытается постоянно развивать слог, читает уйму литературы по писательскому ремеслу, посылает свои творения в разные издательства, ходит на мастер-классы. НО… на деле выходит что-то не то, будто бы уже читал, слышал или видел. Слог не самый оригинальный, сюжет бывает высосан из пальца. Да, такое может пользоваться популярностью, но претендовать на премию Пулитцера или войти в анналы литературы? Вряд ли. Хотя не будем зарекаться.

2. (Б) Затычка

Произведения данного автора можно встретить в каждой электронной библиотеке, а в новостной ленте частенько мелькают обложки его творений. Автор скрупулезно продвигает творчество и, зачастую, тратит на это больше времени, чем на написание. Как правило, он либо искренне считает, что его мысли достойны широкого распространения, либо просто работает на рейтинг с далеко идущими планами. Бывает, откроешь подобное произведение и потонешь в количестве несогласований, тавтологий и штампов.

3. (В) Серый кардинал

Такой автор обычно отсиживается в темном уголке, редко высказывает свое мнение, не участвует во всеобщих баталиях. Но, боже упаси, если он вдруг откроет рот - тут же незримо начнет давить авторитетом. Такие авторы очень любят учить других, забывая, что к своему уровню пришли методом проб и ошибок, а не из-под палки. В попытке донести до других “имху”, часто путаются в советах и показывают всем относительность и нечеткость своих знаний.

4. (Г) Мазохист

Во-первых, этот автор постоянно себя ругает. Этакий несчастный щеночек, забытый хозяевами на улице. Во-вторых, даже положительный комментарий таким человеком может быть расценен как негативный и заставит автора залезть под стол и посыпать голову пеплом. Писатели этого типа могут быть как гениями, так и графоманами, но в воображении им явно не откажешь, и они мастерски умеют заражать своими фантазиями остальных.

5. (Д) Творец

Эти люди обычно не от мира сего. У них абсолютно особенное понимание писательства. Они, в основном, не придумывают, а “видят”. Как правило, подсадить читателя на одну с собой волну таким людям сложно. А мир (иногда) интересен лишь этим авторам, за редким исключением в виде подруги, бабушки, собаки. В данном случае слишком многое зависит от мастерства писателя, если он правильно не сможет донести то, что “видит”, то в целевую аудиторию никогда не попадет.

Над номером работали:
Анастасия Юрикова
Ярослав Хотеев
Екатерина Верхова

Объявление:

Приглашаем к сотрудничеству на безвозмездной основе молодых авторов и художников. Присылайте творчество на почту редакции, в теме письма обязательно указывайте «Для журнала». В противном случае письма рассматриваться не будут.

Бумажный слон

Журнал распространяется бесплатно.

Редакция оставляет за собой право орфографической и стилистической обработки материалов.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна!

Все изображения, использованные в журнале, имеют лицензию Creative Commons CC0 «Передача в общественное достояние»

Телефон редакции: 89520349059
Email: slon.2014kazan@gmail.com
ВК: http://vk.com/litclubbs
Сайт: http://litclubbs.bibliowiki.ru